

Тайны роботов

Роджер Аллен

Валгалла

1996

Аллен Р. М.

Валгалла / Р. М. Аллен — 1996 — (Тайны роботов)

Действие цикла происходит в мире созданном Айзеком Азимовым в своем цикле «Детектив Элайдж Бейли и робот Дэниел Оливо» после событий последнего романа цикла «Роботы и Империя». Экологическая катастрофа грозит смертью или изгнанием жителям планеты Инферно. Единственный способ спасения, предложенный ученым Давло Лентраллом, очень опасен и не гарантирует успеха. Более того, в результате утечки информации в игру против Правителя Крэша, готового рискнуть во имя будущего, вступают те, кому план не по душе. Им удастся добиться, что роботы перестают следовать постулатам «Трех законов роботехники» и вместо того, чтобы быть верными слугами и помощниками людей, становятся их главными противниками в борьбе за выживание.

Содержание

Законы роботехники	5
Вступление	6
Часть первая	8
1	8
2	21
3	27
4	39
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Роджер Макбрайд Аллен Валгалла

*Моему брату Крису, его жене Эди, моей сестре Кончи и ее мужу
Джиму посвящается*

Законы роботехники

Три Закона роботехники:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам.

Новые Законы роботехники:

1. Робот не может причинить вред человеку.
2. Робот должен сотрудничать с человеком, кроме тех случаев, когда это сотрудничество противоречит Первому Закону.
3. Робот должен заботиться о своей безопасности, пока это не противоречит Первому Закону.
4. Робот может делать все, что пожелает, кроме тех действий, которые противоречат Первому, Второму или Третьему Законам.

Вступление

Борьба между поселенцами и колонистами с начала и до конца оставалась борьбой двух идеологий. С точки зрения более ранних эпох эту войну можно было назвать теологической, потому что позиции обеих сторон строились скорее на слепой вере, страхе и укоренившихся традициях и предрассудках, чем на точных и проверенных фактах.

В любом случае, независимо от того, признавалось это в открытую или нет, базовым вопросом любого столкновения между двумя сторонами были роботы. Одна безоговорочно считала их добром, другая же, не менее безоговорочно, видела в них только зло.

Колонисты были потомками людей, которые со своими роботами покинули Землю, когда там был введен запрет на роботов. Они улетели в космос на примитивных космических кораблях, и это стало первой волной колонизации иных планет. Руками своих роботов колонисты покорили пятьдесят планет и создали прекрасную и утонченную цивилизацию, где роботы выполняли за них всю грязную работу. А точнее, роботы выполняли *всю* работу. Обосновавшись на пятидесяти планетах, колонисты скомандовали «стоп» и занялись тем, что стали спокойно вкушать плоды стараний собственных роботов.

Поселенцами назывались потомки тех людей, которые остались на Земле. Они жили в огромных подземных городах, построенных на случай атомной войны. Без сомнения, такой образ жизни породил в культуре поселенцев определенную ксенофобию. Эта ксенофобия надолго пережила период атомной угрозы и наконец вылилась в неприязнь к чопорным колонистам и к их роботам.

Отказаться от роботов землян подвиг в первую очередь страх. Отчасти это был подсознательный ужас перед ходячими железными чудовищами. Но в то же время у людей Земли были и другие, более весомые причины для страха. Они боялись, что роботы возьмут на себя всю работу, а значит, и способ заработать на жизнь. И, что важнее всего, они видели, во что превратилось общество колонистов – красивый, летаргический упадок. Поселенцы опасались, что роботы лишат человечество его духовности, воли к жизни, стремления вперед – то есть самой его сущности.

Колонисты, в свою очередь, с презрением смотрели на поселенцев, которых называли земляными червяками. Колонисты отреклись от родства с теми, кто когда-то изгнал их. Но в то же время сами они утратили жизнеспособность. Их техника, культура и мировоззрение все больше становились статичными, если не инертными. Идеалом колониста была Вселенная, где ничего не происходит, где «вчера» и «завтра» неотличимы от «сегодня».

Поселенцы всерьез намеревались колонизировать всю галактику, сделать пригодными для жизни бесчисленные миры, но при этом всегда оставались верны своему мировоззрению. Более того, казалось, каждое новое столкновение с колонистами укрепляло и без того стойкую неприязнь поселенцев к роботам. Страх перед роботами стал одним из краеугольных камней их политики и философии. Поселенцы боялись и ненавидели роботов и презирали самих колонистов – за их ленивый, безмятежный стиль жизни. И это ничуть не способствовало сближению двух ветвей человечества.

Но все же иногда эти две стороны сходились, невзирая на разногласия и взаимную подозрительность. Люди доброй воли – представители обеих сторон – стремились преодолеть страх и ненависть и работали вместе – с переменным успехом.

Это случилось на Инферно, маленькой неприветливой планете колонистов. Именно там колонисты и поселенцы предприняли решительную попытку объединить усилия для совместной работы. Жителям этой планеты, которые называли себя инфернитами, грозили две катастрофы. Всем известна суровая природа Инферно, но немногие понимали опасность, которая нависла над планетой из-за неуклонного ухудшения климата. Чтобы справиться с надвигаю-

щейся бедой, туда были приглашены лучшие специалисты поселенцев по преобразованию климата.

Но существовал и другой кризис, скрытый, который таил в себе еще большую опасность. Ни инферниты, ни поселенцы не могли предугадать, что на этой планете с пророческим названием им придется лицом к лицу столкнуться с изменением самой сущности роботов.

Последний – и наиболее опасный – кризис на Инферно был вызван сочетанием многих факторов, и не подлежит сомнению, что огромную роль сыграли в этом роботы с Новыми Законами. Но, как нередко случалось в истории, заключительный акт этой драмы был спровоцирован столкновением и взаимодействием различных и, казалось бы, совершенно разрозненных факторов. Не будь хоть одного из них, последующие события не выстроились бы в такую тревожную последовательность. И, конечно, история пошла бы по другой колее и в том случае, если бы не случайное открытие молодого и амбициозного ученого, если бы не чрезмерно завышенная планка этических требований одного из осведомителей, если бы не был преднамеренно-обманут самый могучий на планете робот, если бы не две попытки двух различных партий совершить необычное преступление – такое древнее, что уже мало кто помнил о том, что оно когда-то вообще существовало.

Даже не единожды, а дважды планета Инферно была потрясена попытками совершить варварский акт, называвшийся странным и малопонятным словосочетанием – «похищение человека».

«История Ранней Колонизации», Сахир Вадид, издательство планеты Бейли, С.Е. 1231.

Часть первая «До столкновения – 62 дня»

1

В глубине космоса родилась ослепительная вспышка – чудовищный взрыв, засиявший, как второе солнце. Под воздействием этого катаклизма холодная, темная масса материи диаметром в восемнадцать километров изменила свою орбиту и двинулась новым курсом.

Взрыв был настолько мощным, что должен был разметать комету в клочья, но она каким-то образом уцелела. Страшная температура раскалила ее поверхность, горючие вещества в пазухах и расщелинах небесного тела закипели и стали выбрасывать в непроницаемую темноту Вселенной яркие огненные языки.

Законы действия и противодействия работают безотказно, вне зависимости от того, является ли действие преднамеренным или случайным. Выбросы раскаленных газов сработали, как выхлопы ракетных дюз, придав комете ускорение и сбив с привычного курса. Но почти сразу же заработали установленные на комете искусственные двигатели, выравнивая действие неконтролируемых природных выбросов.

По мере того как комета приближалась к внутренним планетам системы, контрольные двигатели включались все чаще. Вскоре стало очевидно, что комета держит курс прямоком на одну из внутренних планет – маленький мир, окрашенный преимущественно в голубой, коричневый и охряной цвета, мир, покрытый водой в своем южном полушарии и представляющий собой почти совершенно иссохшую пустыню к югу от экватора.

С каждой секундой комета подлетала все ближе. Когда она приблизилась к светилу, вокруг которого вращалась планета, ее поверхность разогрелась до такой степени, что стала кипеть и испаряться. Газы и пыль образовали длинный хвост, вытянувшийся далеко позади летящей кометы.

Внезапно она рассыпалась на куски, которые также вытянулись длинной вереницей и теперь напоминали нанизанные на нитку бусины.

Обломки небесного тела неуклонно приближались к планете.

– Замедлить скорость симуляции до плюс десяти от реального масштаба времени, – проговорил в темноте чей-то бесплотный голос.

Скорость, с которой летели обломки, заметно уменьшилась. Неспешно вращаясь, они продолжали скользить вниз.

– Дать более крупный план Инферно, – скомандовал все тот же голос, и изображение тут же приблизилось, увеличившись в размерах.

– Все равно слишком быстро. Замедлить симуляцию до минус пяти, – приказал голос.

Время почти приостановило свой бег, но события все же развивались чересчур стремительно. Обломки кометы с невероятной скоростью вошли в верхние слои атмосферы, и даже при том, что все происходящее проецировалось в пять раз медленнее, чем должно было происходить на самом деле, обломкам понадобились считанные секунды, чтобы пробиться через атмосферу и достигнуть поверхности планеты.

Самый крупный осколок ударился в землю рядом с береговой линией. Второй врезался в гряду невысоких холмов немного севернее первого. Остальные куски бывшей кометы стали один за другим долбить землю, падая цепочкой, которая вытянулась по направлению к северному полюсу планеты. Каждый удар сопровождался ослепительной вспышкой, которая тут же гасла в поднимающихся клубах дыма, пыли и осколков.

– Сработало, – сказал голос. – Остановить изображение на этой точке. Выключить сферу. Включить свет.

Изображение пылающей планеты растаяло, и вместо него зажегся свет, осветив вполне заурядную гостиную вполне заурядного жилища. Единственным необычным предметом здесь являлся сложнейший галапроектор, установленный посередине комнаты.

Давло Лентралл подошел к невысокому, похожему на гладкий пенёк цилиндру и постучал пальцем по его верхней панели. Ни один – даже самый современный – прибор поселенцев не был способен на то, что могла творить эта штука. Уж он-то знает! Ведь он разработал и создал ее собственными руками. Сейчас Давло вспоминал, чего ему это стоило, и упивался триумфом. Это его, только его заслуга! Именно он открыл комету. Поддавшись порыву не свойственной ему скромности, он назвал ее не своим именем, как это было принято, а в честь Хэнто Грега – убитого Правителя, который воплотил в жизнь проект повторного преобразования климата планеты и таким образом спас ее от неминуемой гибели. Или, по крайней мере, выиграл еще немного времени для того, чтобы Давло Лентралл и комета Грега сумели довести до конца начатое им дело. В этом была некая симметрия, эдакий поэтичный флер, который наверняка понравится историкам. Как бы ни называлась комета, в памяти потомков все равно останется он, Давло Лентралл.

Само собой, обсуждать подобные материи с его помощником-роботом не имело ни малейшего смысла. Кейлор способен лишь талдычить о том, какие опасности могут подстерегать человека тут и там. И все же в такой момент Давло не мог молчать. Он должен был сказать хоть что-нибудь. Вот тут у него и вырвалось это «сработало».

– Конечно, сработало, хозяин Лентралл. Проектор совершенно исправен. С какой же стати ему вдруг не сработать?

– Я имею в виду захват кометы, а не симулятор.

– Должен обратить ваше внимание на то, что это только вы так считаете, – сказал робот Кейлор.

– Уточни. Что ты конкретно имеешь в виду? – спросил Лентралл. Кейлор был безукоризненным слугой, но временами общение с ним требовало огромного терпения.

– Я имею в виду, сэр, что вы основываетесь на ряде безосновательных предположений.

Давло наступил на горло своей злости и призвал себя к терпению. Кейлор являлся не серийным роботом, он был построен по особому заказу Давло и в соответствии с его пожеланиями. А самым главным из них было то, чтобы, рассматривая гипотетические ситуации, робот в наименьшей степени руководствовался императивами Первого Закона. Учитывая, какие исследования и эксперименты проводил Давло Лентралл, обычный робот-ассистент с нормальным для Инферно сверхвысоким уровнем функционирования Первого Закона был бы для него попросту бесполезен. Еще до того, как Давло обратил свое внимание на комету Грега, он принимал участие в проекте «Снежок» – проекте, работа над которым требовала перебрать множество рискованных альтернатив, чтобы обнаружить наконец наименее опасный путь для достижения цели.

Вряд ли на всей планете нашелся бы хоть один «трехзаконный» робот, который согласился бы участвовать в этой операции, не говоря уж о том, чтобы работать с гала-проектором для того, чтобы просчитать возможность задействовать комету Грега. Более того, очень немногие роботы согласились бы даже на то, чтобы хоть как-то помочь в разрешении этой ситуации. Они стали бы твердить, что подобное моделирование может проложить дорогу для реального осуществления проекта, в результате которого произойдет столкновение настоящей кометы с настоящей планетой, а это, в свою очередь, создаст огромную угрозу для населяющих ее людей. Именно поэтому, решив принять участие в проекте «Снежок», Давло Лентралл заказал себе нового робота, а затем, осознав, какую пользу можно извлечь из кометы Грега, еще раз порадовался своей предусмотрительности.

Ему пришлось спорить до хрипоты с разработчиком робота – чрезвычайно консервативным джентльменом, который ни в какую не хотел даже на йоту снижать ограничения, накладываемые Первым Законом. Но затем старикашка все же сдался, и в результате на свет появилась первая модель с Ограниченным Уровнем Защиты, или ОУЗ – 001. В соответствии с общепринятыми традициями ее следовало бы назвать Орнуз или Онуэз. Один остряк даже предложил окрестить нового робота Огузком. Однако Давло ни один из этих вариантов не прельстил, и, плюнув на традиции, он назвал своего ассистента Кейлор.

Однако вскоре выяснилось, что «новорожденного» помощника Давло Лентралла отличает горький, если не сказать упадочнический, взгляд на жизнь и окружающий мир. То ли это явилось побочным эффектом того, что Первый Закон не нависал над ним таким же дамокловым мечом, как над другими его собратьями, то ли таким образом были устроены извилины его позитронного мозга, но Кейлор оказался отъявленным пессимистом.

– Так о каких же «безосновательных предположениях» ты говоришь, Кейлор?

– Вы исходите из того, что после начального взрыва вам удастся сохранить комету в целости, – проговорил робот, – и предполагаете, что сумеете расколоть ее на части именно в нужном месте и в нужный момент. Более того, вы не просчитали, насколько велика будет температура кометы после приближения к звезде и чем обернется нагревание ее поверхности. У меня также существуют сомнения относительно того, что вам удастся эффективно контролировать естественные газовые выбросы кометы и их воздействие на ее траекторию. Далее. Вы, как мне кажется, совершенно произвольно определили, сколько осколков кометы необходимо для достижения поставленной задачи, и, наконец, вы не произвели тщательный просчет времени и контрольное наведение, необходимые для заключительного этапа нацеливания и прохождения через атмосферные слои. Для достижения успеха все эти параметры должны быть просчитаны самым тщательным образом, а этого сделано не было.

– Все это я знаю и без тебя, – сказал Давло, – но если поставить решение этих проблем на первое место, то мы вообще никогда не начнем. Сейчас я доказал в целом, что мой план сработает. Или, по крайней мере, что он может сработать. А теперь мне необходимо убедить в этом власти. Но, по моему просвещенному мнению, мы вполне способны сбросить комету Грега на Инферно и таким образом спасти планету.

– Если не принимать во внимание все, о чем я говорил раньше, вы, очевидно, правы, – сказал робот и горько добавил: – Вот только удастся ли это сделать так, чтобы на планете осталась хоть одна живая душа?

Жустен Деврей, начальник Объединенной полиции Инферно, сидел в слегка помятом аэрокаре без опознавательных знаков и любовался восходом солнца над идиллически зелеными просторами парка. Он устал. Смертельно устал! Однако усталость являлась неизменным спутником его работы, а также частью того, чему он должен был научиться, сидя здесь.

Поначалу эта идея казалась очень разумной – потрудиться во всех подразделениях Объединенной полиции Инферно и получить представление о тех аспектах полицейской работы, о которых раньше он не имел ни малейшего понятия. Более того, это была идея самого Жустена, и он уже много чего узнал. Например, то, что наружное наблюдение – самое скучное и изматывающее занятие из всех ему известных. И Жустен уже начинал подозревать, что тихая бумажная работа за письменным столом таит в себе гораздо больше скрытых прелестей, чем он полагал раньше.

Аэрокар Жустена стоял примерно в сотне метров от входа в разветвленный подземный комплекс, известный как Сеттлертаун, город поселенцев. Он представлял собой сооружение в виде огромного гриба, «ножка» которого являлась шахтой лифта, а широкая круглая «шляпка» укрывала во время дождя тех, кто дожидался прихода очередной кабины, чтобы спуститься вниз. Эта причудливая конструкция находилась за воротами просторного парка, который посе-

ленцы построили прямо над своим городом. Само собой разумеется, ландшафт парка был обустроен с таким расчетом, чтобы у посетителей не оставалось сомнений в том, каких высот достигли поселенцы в искусстве преобразования местности, или, иначе говоря, ландшафтной трансформации.

Однако в данный момент их дизайнерские изыски интересовали Жустена Деврея в последнюю очередь. Работа офицера полиции, несущего вахту наружного наблюдения, заключалась в том, чтобы следить за всеми входящими в подземный город и выходящими из него. Разумеется, существовали и другие входы в разветвленную сеть подземных помещений, и они также находились под неусыпным наблюдением ОПИ. Но главный вход – всегда главный, по крайней мере, с точки зрения полицейских. Крупная рыба использует именно его. Того требует положение – или «легенда» – этих людей. И что не менее важно, неопытные новички также использовали главный вход.

Нельзя отрицать, что у достаточно большого количества людей – и поселенцев, и колонистов – имелись вполне законные основания для того, чтобы входить в СеттлERTAун и выходить из него. Но наряду с этим были и такие, у которых не было для этого причин. Именно из-за последних возле входа в подземный город и был установлен постоянный пост скрытого наблюдения ОПИ.

В ходе слежки одна и та же машина никогда не использовалась дважды, хотя профессионалы, с другой стороны, конечно же, прекрасно знали, что находятся под наблюдением, и умели моментально вычислить аэрокар, из которого оно велось. Об этом знали все, хотя и предпочитали не распространяться. Что ж, пусть профи из СеттлERTAуна сразу раскусят слежку, но зато она будет не по зубам любителям. Меняйте периодически машину, ставьте ее все время в разных местах, и новичок в таких делах наверняка войдет и выйдет из города с дюжину раз, так и не заметив слежки.

Пытаясь устроиться поудобнее, Жустен Деврей поерзал на сиденье. Он мысленно сравнил себя с канарейкой в клетке и улыбнулся. Нет, клеткой была даже не машина, а сама его работа. В прежние времена Жустен командовал рейнджерами Правителя – это была служба, которая сочетала обязанности по охране порядка в городах с осуществлением проектов по преобразованию планеты. Даже Жустен, хотя и являлся ее руководителем, не мог не признать, что подобное сочетание функций было весьма странным.

Чуть меньше пяти лет назад Альвар Крэш, Правитель Инферно, реорганизовал рейнджеров, оставив в их ведении лишь проекты в области планетной трансформации, а их подразделения, занимавшиеся охраной правопорядка, слил с департаментом шерифа города Аида, в результате чего и появилась на свет Объединенная полиция Инферно. Последним шагом Крэша на этом поприще было назначение его, Жустена Деврея, начальником новой службы.

Жустен принял назначение с огромным воодушевлением, но впоследствии не раз бывали моменты, когда он жалел об этом своем решении. Должность руководителя полиции целой планеты требовала от него постоянного присутствия в столице, а Жустен никак не мог свыкнуться ни с жизнью в Аиде, ни с городским существованием вообще. Ему частенько приходилось ловить себя на мысли, что хорошо бы сейчас вновь оказаться среди рейнджеров – работая на консервации какого-либо объекта или осваивая девственные земли где-нибудь далеко к северу от столицы.

Несмотря на то что Жустену приходилось заниматься преимущественно кабинетной работой, кожа его была покрыта загаром, а выгоревшие волосы и светлые голубые глаза сразу же выдавали в нем человека, привыкшего проводить большую часть времени под открытым небом. За предшествующие годы ветер и непогода наложили отпечаток на его лицо, избородив его морщинками первопроходца, которые не удалось стереть даже спокойной городской жизни. Но, несмотря на эти метки, он выглядел на удивление молодо, и одного взгляда на него было достаточно, чтобы со всей ясностью понять: этот парень – не из городских.

Сейчас Жустен ощущал себя в полном одиночестве, и все же в аэрокаре он находился не один. Рядом с ним были два робота. Джервад-112 уже довольно давно являлся его личным роботом. Его собратья долгие годы помогали рейнджерам выполнять их нелегкую работу, и Джервад остался у Деврея с тех самых пор. Второй представлял собой модель «Безопасность, Патрулирование, Поиск» – БПП – и в повседневном обращении назывался Баппер-323. После той ночи, когда был убит прежний Правитель Хэнто Грег и целый взвод Бапперов не смог защитить его, эта модель быстро – и, надо сказать, не вполне справедливо – приобрела весьма сомнительную репутацию. То, что случилось с ними, могло случиться с любой другой моделью роботов.

И все же ни одна из крупных служб безопасности больше не хотела связываться с ними, и Жустен даже не пытался навязать их своим подчиненным. Рядовые сотрудники не доверяли Бапперам и попросту не стали бы работать с этими роботами. В результате большинство Бапперов были распроданы по дешевке всяким сомнительным организациям и темным личностям, которых просто еще не успели схватить за руку. А из этого следовало, что Баппер, находясь рядом с полицейским, мог теперь служить отличным прикрытием. Никто, увидев Жустена вместе с Баппером, не подумает, что он – легавый, и уж тем более – главный легавый планеты.

В данный момент Жустена угнетала лишь мысль о том, что роботы и без него справились бы с наблюдением ничуть не хуже, а, возможно, даже лучше. Впрочем, об этом лучше не думать. Что поделат, если истина такова: для выполнения практически любой работы человек уже не нужен.

– Объект мужского пола в красных штанах и синей тунике не значится в моем идентификационном списке, – сообщил БПП. Характерные особенности этой модели делали ее незамечаемой в случае необходимости опознания той или иной личности. Бапперы не в меньшей степени, чем люди, обладали способностью замечать и сравнивать или, иначе говоря, опознавать лица. И конечно, они обладали колоссальной электронной памятью. Если Баппер говорит, что он узнал или, наоборот, не узнал данного человека, ошибки быть не может. В данный момент его фраза означала следующее: в Сеттлертаун намеревается проникнуть некто, не имеющий для этого оснований.

Жустен Деврей моментально встряхнулся и стал настороженно вглядываться сквозь лобовое стекло, высматривая подозрительную личность. Возле «гриба», дожидаясь прихода очередной кабины лифта, толпилось примерно с дюжину людей.

– Ты его знаешь, Джервад? – обратился полицейский к своему персональному роботу. В памяти последнего хранилось полное фото-досье Объединенной полиции.

– Сэр, я усматриваю в этом субъекте слабое сходство с одним человеком, но боюсь, что я ошибаюсь.

– Позволь уж мне судить об этом, – резко сказал Жустен, по-прежнему пытаясь получше разглядеть подозреваемого. Сделать это, когда вокруг последнего толпился народ, было непросто. Если он обладает специальной шпионской подготовкой, то непременно постарается извлечь максимум выгод из этого факта. – Так кого тебе напоминает этот тип?

– Наблюдаемый объект отдаленно напоминает Барснелла Ардозу, младшего исследователя лаборатории астрофизики университета Аида. Однако, учитывая, что этот человек вряд ли может иметь какие-то общие интересы с поселенцами, я делаю вывод, что моя визуальная аналогия ошибочна.

Жустен был уже готов согласиться с Джервадом, но тут ему удалось разглядеть этого загадочного человека. Вот он: большой, грузный чернокожий мужчина с круглым лицом. Макушка его головы была совершенно лысой, и только сзади бежала полоска совершенно седых волос – густых на затылке и сходявших на нет ближе к ушам. У него были кустистые усы и чрезвычайно встревоженный вид.

На какое-то мгновение Деврею показалось, что Ардоза, если это был он, смотрит прямо на него, и в тот же миг он решил, что Джерваду стоит пореже сомневаться в своих способностях.

Жустен Деврей никогда и на пушечный выстрел не подходил к астрофизической лаборатории университета. И в то же время он был абсолютно уверен, что раньше он уже видел это лицо. Но черт бы его побрал, если мог вспомнить, где именно и когда!

Альвар Крэш, губернатор планеты Инферно, смотрел на молодого человека, стоявшего по другую сторону его письменного стола.

– Своим упрямством вы нисколько не помогаете делу, – проговорил он. – Я сказал вам, что обдумаю ваше предложение, и выполню обещание. Я уже обдумываю его. Но я не собираюсь торопиться и принимать решение впопыхах. По крайней мере, когда речь идет о таких глобальных вещах.

– Но мы обязаны поторопиться, у нас просто нет иного выхода! – ответил посетитель настойчивым, не терпящим возражений тоном. – Мы и так потеряли уйму времени! Я провел последние сеансы моделирования уже три дня назад и с тех пор безуспешно пытался пробиться к вам на прием. Пусть мой проект небезопасен, но он дает нашей планете шанс, причем даже больший, чем вы можете подумать. И не только подумать, а вообще вообразить.

– Вы на редкость тактичны, разговаривая таким образом с губернатором планеты, – кислым тоном проговорил Крэш. – Но даже если моих ограниченных умственных возможностей не хватает для того, чтобы объять грандиозность вашего плана, сами-то вы отдаете отчет в том, что предлагаете?

– Прошу прощения, сэр. Я не хотел вас обидеть, – чуть покраснев, извинился Давло Лентралл.

– Я надеюсь, что не хотели, – устало произнес Крэш, а затем вздохнул и искоса окинул визитера опытным взглядом бывшего полицейского. Лентралл был смуглым, с острыми скулами, угловатым лицом и внимательным взглядом темно-карих глаз. Волосы его были чернее воронова крыла и пострижены так коротко, что топорщились ежиком. Среднего роста, обычного сложения... «Тьфу ты!» – выругался про себя Крэш. Ведь он уже давно не полицейский, а политик и должен не запоминать приметы этого человека, а выяснить, что у того на уме. Не вызывало сомнений, что Лентралл является незаурядной личностью. Он молод и полон юношеского самомнения.

Возможно, поселенцы и рассматривали молодость как достоинство и считали, что юношеский энтузиазм искупает многие грехи, но колонисты ценили опыт и мудрость, которые приходят с годами. Для них юношеский пыл и бьющая через край энергия являлись не более чем далекими и не самыми приятными воспоминаниями, и Лентралл был ходячим объяснением этого феномена. Прямолинейность, напор и завышенное самомнение не способствуют приобретению новых друзей.

Однако нельзя исключать и возможности того, что сообщение, принесенное Лентраллом, заслуживает внимания, как бы неприятен ни был он сам.

– Давайте все же на некоторое время отложим этот разговор, – предложил Крэш. – Сейчас мы все равно не придем ни к какому решению.

Лентралл чувствовал себя неловко и переминался с ноги на ногу. Он хотел было снова затеять препирательства, но, подумав как следует, отказался от этой мысли.

– Хорошо, сэр, – выдал он. – Я... Я еще раз извиняюсь за свою вспышку. Вы должны меня понять: такое огромное напряжение... Шутка ли сказать – знать, что судьба планеты находится в твоих руках!

– Я понимаю, – смягчившись, сказал Крэш. – Мне знакомо это чувство. Скажу вам больше: я живу с ним на протяжении последних лет.

Лентралл снова покраснел:

– Да, сэр, мне это известно. Просто мысль о том, что такая возможность может ускользнуть из наших рук, заставила меня потерять контроль над собой. И все же я не должен был позволять себе...

– Все в порядке, дружок. Давайте на этом остановимся. Вернемся к этой теме через несколько дней. А лучше даже завтра. Приходите завтра утром. Я приглашу жену, и вы подробно изложите свою идею нам обоим. Ее мнение по этому вопросу для меня очень важно.

Это было правдой, причем по многим причинам, которыми Крэш вовсе не собирался делиться сейчас с юным Давло Лентраллом.

– Хорошо, сэр, обязательно. Завтра с утра я – у вас. В десять часов – нормально?

– Великолепно. Дональд, проводи нашего гостя.

– Конечно, сэр.

Дональд-111, персональный робот Крэша, выступил из ниши в стене и ровной походкой двинулся через комнату. Он довел Лентралла до двери, открыл ее и выпустил посетителя.

Небесно-синяя фигура Дональда была невысокой и округлой, без единого острого угла. Его создатели специально постарались, чтобы у этого робота был как можно более миролюбивый вид. Выбор цвета был тоже неслучайным: дань ностальгии Правителя по старым, добрым временам. Небесно-синий являлся «фирменным» цветом управления шерифа Аида, когда в городе существовала должность шерифа и ее занимал Альвар Крэш. Возможно, ему стоило попросить Фреду перекрасить Дональда в какой-нибудь другой цвет, но Альвару нравилось это напоминание о прежних деньках, когда на его плечах лежал гораздо меньший груз ответственности, пусть тогда он и казался ему непомерным.

Дональд закрыл дверь за спиной Лентралла и повернулся к хозяину.

– Что скажешь, Дональд?

– О чем, сэр? О том, что сказал этот человек или о нем самом?

– И о том и о другом. Но, пожалуй, начни с посетителя. Решительный молодой человек, не так ли?

– Да, сэр. Если мне будет позволено сказать, он напомнил мне вас в юные годы.

Крэш окинул Дональда подозрительным взглядом.

– Что ты можешь знать о моих юных годах? – проворчал он. – Откуда тебе это может быть известно? Я уже был шерифом, когда тебя еще даже не построили.

– Это верно, сэр, но я провел собственное исследование. Ведь чем лучше я буду вас знать, тем лучше смогу служить вам, не так ли? Я изучил всю доступную информацию, касающуюся вас, и, если документы не лгут, этот юноша очень сильно напоминает вас такого, каким вы были в молодости.

– Дональд, ты, по-моему, впадаешь в сентиментальность. Смотри не заплачь.

– Сентиментальность не заложена в моих программах. Я всего лишь высказал непредвзятое мнение.

– Неужели? – едко осведомился Крэш. – В таком случае это самое обескураживающее мнение, которое мне приходилось слышать. – Крэш встал и потянулся. День выдался долгим, да еще и Лентралл подкинул тему, над которой предстоит поломать голову. – Что ж, Дональд, пора отправляться домой.

– Да, сэр. – Дональд снова повернулся к двери и открыл ее. По коридору они пошли к персональному лифту Правителя. Дверь кабины отъехала в сторону, мужчина и робот вошли внутрь. Затем дверь скользнула обратно, и лифт вознес их на крышу Дворца Правителя, где в тщательно охраняемом ангаре дожидался частный аэрокар Альвара Крэша.

Вообще-то на крыше здания имелось две взлетно-посадочные площадки: одна – поменьше – располагалась на самом верху и предназначалась лишь для Правителя, вторая – большая по размеру – располагалась на пятнадцать метров ниже. Отдельную посадочную пло-

площадку для Правителя соорудили после убийства Грега, выстроив в одном углу уже существовавшей на крыше площадки полую железобетонную колонну в десять метров высотой и затем установив на ней плоский тридцатиметровый диск, державшийся на мощных подпорках. Это сооружение использовалось также в качестве наблюдательного пункта, откуда полицейские следили за главной взлетно-посадочной площадкой.

«Прочные заборы, частные лифты, охраняемые ангары, посадочные площадки, недоступные для посторонних», – мрачно думал Крэш, стоя в кабине лифта. Иногда ему казалось, что между ним и миром, которым он был поставлен управлять, возвышается огромная непроницаемая стена. Как он может править планетой, если вся система нацелена на то, чтобы отгородить его от нее – пусть даже в основе всего этого лежит забота о его собственной безопасности!

А с другой стороны, его предшественник пал жертвой хладнокровных убийц, так что основания для возведения стен все же имелись. А стены здесь были повсюду, даже вокруг крыши.

Двери лифта открылась, и Крэш шагнул на свою персональную взлетно-посадочную площадку, согретую лучами вечернего солнца. Но вместо того, чтобы сразу же пойти по направлению к ангару, он двинулся к краю площадки, обнесенной невысокой, примерно в полтора метра, стеной. Как и все остальное на этой планете, стена предназначалась для обеспечения безопасности. Крэш положил руки на ее кромку, опустил подбородок на запястья и задумался. Только здесь, опершись на стену и глядя с высоты крыши на свою планету, он мог думать, не отвлекаясь ни на что другое.

Нет, о полной безмятежности Крэш и не мечтал. В мире колонистов это было невозможно. Вот и сейчас Правитель слышал позади себя звук – это Дональд подошел поближе, чтобы защитить хозяина от любой опасности, которая могла ему угрожать. Робот мог выдумать сотни поводов для беспокойства: то ли обрушится стена, то ли налетит ураганный ветер, сдует человека с платформы и швырнет вниз, то ли сам Крэш, поддавшись необъяснимому и скрываемому до сих пор желанию покончить с собой, перекинет ноги через стену и бросится в бездну... В голове «трехзаконного» робота теснилось неисчислимое количество мнимых страхов и воображаемых опасностей.

И это, в свою очередь, тоже являлось частью проблемы. Но сейчас Крэшу не хотелось забивать себе голову подобными мыслями. Пользуясь моментом – любуйся с высоты птичьего полета городом Аид и небом над своей планетой.

Альвар Крэш смотрел на мир, которым управлял, мир, вверенный его заботам. Крэш был большим, грузным, широкоплечим мужчиной с выразительным волевым лицом. Кожа его была светлой, а на голове ежиком торчали густые седые волосы. Бывали времена, когда он думал, что годы начинают брать над ним верх, и сегодня это чувство снова посетило его, – несомненно, из-за того, что Дональд сравнил Лентралла с ним самим, каким он был в молодости. А был ли он, Крэш, таким настырным, неуступчивым, таким беспричинно уверенным в своих силах?

Нет, сказал он себе, и об этом не надо думать. Ну их, эти мысли! Пусть их подхватит ветер и унесет за горизонт. Пусть все служебные заботы и волнения отойдут хотя бы ненадолго. А сейчас – только смотреть. Смотреть и видеть.

А смотреть и впрямь было на что. Планета Инферно сильно изменилась за те пять лет, в течение которых Альвар Крэш являлся ее Правителем, и он не мучился ложной скромностью при мысли о том, что в этом – немалая и его заслуга.

Крэш вздохнул полной грудью. Воздух был прохладным и сладким, свежим и живительным. Когда он занял эту должность, город Аид находился на грани гибели. Пустыни расползались все шире, растения умирали, клумбы с цветами и деревья были засыпаны пылью, которой становилось больше с каждым порывом ветра.

Однако теперь пустыня начала отступать. По крайней мере здесь, в окрестностях города, она потерпела поражение. Сейчас ветер нес с собой аромат жизни – запахи зелени и свежести. Глядя с огромной высоты, Крэш видел зеленый цвет там, где раньше безраздельно властвовали коричневый и охряной. Аид и его окрестности постепенно возвращались к жизни.

Несомненно, цена, которую пришлось за это заплатить, была высока. Вот уже пять лет, как пришлось значительно ограничить право жителей планеты пользоваться своими роботами. В любом другом из миров, населенных колонистами, это было бы просто немыслимым. Но сама планета Инферно нуждалась в труде роботов гораздо в большей степени, нежели населявшие ее люди.

Предшественник Крэша, Хэнто Грег, изъясил значительную часть механических рабов Инферно у хозяев и мобилизовал их на общественные работы. Вместо выполнения домашних обязанностей роботы стали заниматься трансформацией и восстановлением планеты. Роботы, служившие раньше помощниками поваров и шоферами, роботы, единственной обязанностью которых было стоять у двери и нажимать на кнопку, открывая и закрывая ее при появлении хозяев, роботы, бестолково коптившие небо, выполняя самые незначительные и бессмысленные обязанности, в одночасье принялись сажать деревья, управлять землеройными машинами, выращивать цветы и насекомых, рыб и животных.

До сих пор находилось немало людей, которые стонали и сетовали по поводу тяжелой жизни, которую они были вынуждены владеть, лишившись своих механических слуг. Однако с течением времени таких жалобщиков становилось все меньше. Люди стали привыкать к такому порядку вещей. Они открыли для себя – или, точнее сказать, открыли вновь – прелесть собственноручного труда. Жизнь менялась, и менялась к лучшему.

Вопрос заключался в другом: достаточно ли будет этих перемен? Крэш отчетливо сознавал, что участь планеты по-прежнему балансирует на острие бритвы. Если смотреть отсюда, перспектива казалась радостной, но если взглянуть в глобальном масштабе...

Нет, не надо думать об этом. Для грустных раздумий найдется время и позже. Нельзя не признать, идея Лентралла... Как бы это сказать? Разбередила Крэша. Интересно, что скажет по этому поводу Фреда?

Крэш повернулся спиной к городу и направился к аэрокару.

– Поехали, Дональд, – снова сказал он. – Пора домой.

Летя над городом в аэрокаре, которым управлял Дональд, Правитель снова погрузился в раздумья. Хорошо, рассуждал он, что среди колонистов существует давняя традиция уважения к частной жизни друг друга и защиты своей собственной. Иначе, если бы стало известно о том, как скандально складывается личная жизнь самого Крэша, на его голову обрушился бы целый ураган упреков и обвинений.

Начать с самого неслыханного – с того, что Альвар Крэш и его жена Фреда Ливинг жили вместе и вели совместное хозяйство. В типичной колонистской семье у мужа и жены было отдельное хозяйство, и большую часть времени они проводили порознь.

Считалось более или менее нормальным, если почти постоянно рядом друг с другом находились молодожены, но для супругов со стажем такое поведение считалось совершенно противоестественным. С годами они бывали вместе все реже, и, прожив несколько лет в браке, семейная пара могла видаться раз в неделю, а то и в месяц. Долгие браки не разрывались, а как бы изнашивались. Хотя развод на Инферно был делом простым, многим семейным парам было лень предпринимать даже такие незначительные усилия, и они оставались в браке лишь по инерции.

К собственному удивлению, Альвар Крэш обнаружил, что его семейная жизнь никак не укладывается в общепринятые рамки. Со дня его свадьбы прошло уже три года, но, несмотря

на это, они с женой каждую ночь оказывались не только под одной крышей, но, что еще более возмутительно, в одной постели.

Собственно говоря, в подобном поведении не было ничего неприличного, но это было не принято в здешнем обществе. Если бы это стало достоянием гласности, добрый народ Инферно в лучшем случае решил бы, что Правитель и его жена – странные чудаки.

И это тоже с трудом укладывалось в сознании – по крайней мере, у Крэша. Прислонившись к иллюминатору, он рассматривал прекрасный зеленый город, раскинувшийся внизу, продолжая размышлять о непредсказуемости своего народа. Когда речь заходила о личных отношениях, инферниты считали себя людьми широких взглядов, и это действительно было так, по крайней мере, теоретически. Но за многие годы Крэш убедился в следующем: они и впрямь придерживались широких взглядов на любые *физические* взаимоотношения между людьми, но, когда дело доходило до интимности в духовных отношениях, жители планеты проявляли гораздо меньшую зрелость. Для инфернита были вполне приемлемы и идея секса, и сам секс. Упоминание о нем или занятии им не заставили бы покраснеть никого из жителей планеты. Но идея любви была для них недоступна.

«Ну и дураки! – думал Крэш. – Им не суждено испытать уверенность и уют, который черпаешь, находясь рядом с любимым человеком». Именно так он чувствовал себя, будучи с Фредой, и хотел верить в то, что и она ощущает то же самое.

Крэш хорошо изучил инфернитов и знал, какова будет их реакция, стань им известно о его личной жизни. Как круги от брошенного в воду камня, начнут расходиться слухи о том, что в результате своей нелепой семейной жизни он стал неспособен выполнять обязанности Правителя или – еще хуже – что Фреда получила над ним чересчур большую власть и вертит мужем как хочет. Даже сейчас кое-кто поговаривал, что Фреда слишком молода для него, а на Инферно к молодости относились с подозрением. Про нее также говорили, что она чересчур терпимо относится к поселенцам. Симкор Беддл, лидер Железноголовых, никогда не упускал случая лишний раз напомнить об этом, выступая на массовых митингах, и, надо признать, в этом утверждении было немало правды. Фреда действительно разделяла взгляды поселенцев по многим вопросам. Усилиями Беддла люди уже начинали шептаться о том, что радикальные идеи Фреды несут в себе немалую опасность. Впрочем, подобная мысль не раз посещала и самого Крэша. Между ним и Фредой не раз вспыхивали яростные споры на различные темы, в том числе и о роботах.

Если бы Крэш являлся рядовым гражданином, ему было бы наплевать: пускай хоть вся Вселенная узнает о том, как он живет. Но сейчас Правитель меньше всего хотел, чтобы его личная жизнь стала предметом общественной дискуссии. Нет уж, лучше держать все это подальше от постороннего взгляда и избегать ненужных пересудов.

Формально Крэш отдавал дань традициям. Во Дворце Правителя у него имелись полностью обставленные апартаменты с многочисленной прислугой, которые, впрочем, пустовали. Он использовал их лишь для официальных мероприятий – различных приемов и светских вечеринок. Это выглядело так: Фреда уходила первой, якобы направляясь «к себе домой», а затем, после окончания приема, Крэш делал вид, будто удаляется в свою личную, расположенную во Дворце квартиру. Если час был поздний, они и впрямь могли провести ночь порознь, но чаще бывало иначе: Дональд втайне от всех либо увозил Крэша к жене, либо привозил ее обратно к мужу. Все эти романтические тайны выглядели довольно нелепо, но все же это было лучше, чем ядовитые слухи о том, что правитель Альвар Крэш – без ума от собственной жены.

Крэш припомнил спор, состоявшийся между ним и Хэнто Греггом всего за несколько часов до гибели последнего. Грег пытался втолковать Крэшу, какое огромное место в жизни Правителя занимает искусство притворяться, делать вид, искать компромиссы, доказывал, что не может приступить к исполнению своих основных обязанностей, не потратив предварительно огромного количества времени на всякую чепуху. Тогда Крэш не поверил этому, но теперь

понимал, что Хэнто Грег говорил чистую правду. Его научил этому Симкор Беддл. Дорогой ценой досталось Крэшу понимание того, что он не сможет сделать ничего, если прежде не нейтрализует Железноголовых.

Железноголовые. Правитель горько усмехнулся, представив, как обрадовались бы Беддл и его свора, если бы узнали подробности семейной жизни Альвара Крэша и Фреды Ливинг. Помимо романтики, царившей в их взаимоотношениях, было кое-что и похуже. Во имя сохранения семейной гармонии Крэш большую часть времени делал вид, будто не знает о том, что происходит под крышей его дома в его отсутствие. В частности, он прикидывался, будто не подозревает о конспиративных встречах своей жены с роботами-изгнанниками, регулярно происходящими в его собственном доме.

Плохо даже то, что он сам знает об этом, если же об этом пронюхает Беддл... Нет, об этом лучше не думать!

Звук двигателя аэрокара изменился. Летательный аппарат накренился и пошел на посадку. Альвар Крэш очнулся от раздумий. Моргнув, он посмотрел вперед – сквозь лобовое стекло машины. Вот он, дом.

Фреда Ливинг поднялась со стула и встала напротив двух роботов, от которых ее отделял письменный стол.

– Вам пора уходить, – сказала она. – В любой момент может вернуться мой муж.

Меньший по размеру робот – иссиня-черного цвета – тоже встал и задумчиво посмотрел на хозяйку дома:

– Ваш муж наверняка знает о том, что мы здесь встречаемся.

– Конечно, знает, – ответила женщина. – Но для всех заинтересованных сторон будет лучше, если он останется в стороне.

– Мне это непонятно, – сказал черный робот. Его звали Просперо, и он был самопровозглашенным лидером роботов с Новыми Законами. В нем было примерно сто восемьдесят сантиметров роста. Его крепко скроенная вороненая фигура всеми своими линиями повторяла общий для Новых роботов дизайн, глаза горели оранжевым светом, придавая ему несколько демонический вид. – Если он и так знает о наших встречах, с какой стати нам от него скрываться?

– А мне непонятно другое: зачем ты задаешь вопросы, ответы на которые знаешь заранее? – вопросом на вопрос ответила Фреда.

Просперо опустил глаза на своего спутника и тут же резко повернулся к женщине.

– А вы полагаете, что я знаю ответ? – с подозрением в голосе спросил он.

Большой по размеру робот по имени Калибан поднялся на ноги и посмотрел на товарища.

– Бывают моменты, друг мой Просперо, когда мне кажется, что ты нарочно изображаешь из себя незнайку, – заговорил он. – Правитель не хочет вступать с нами в контакт. Он терпит эти встречи, но не одобряет их. И чем менее навязчивы мы будем, тем дольше сможем встречаться.

Калибан был более двух метров ростом, красного цвета, а глаза его горели синим. Он выглядел внушительно, даже пугающе, но слава, которой он пользовался, была и того хуже. Это был тот самый Калибан – робот без законов, обвиненный в попытке убийства собственной создательницы – Фреды Ливинг. Обвиненный, но затем оправданный.

Прежде чем ответить, Просперо окинул своего компаньона долгим оценивающим взглядом.

– Да, я уже слышал такое объяснение, – проговорил он. – Но я далеко не уверен в его правдивости.

– А какой мне смысл говорить тебе неправду? – осведомился Калибан. Для «трехзаконного» робота сама мысль о том, чтобы солгать, показалась бы невероятной, но Калибан не под-

чинялся никаким законам роботехники и теоретически был способен лгать так же, как любой из людей.

– Может, у тебя действительно нет причин говорить неправду, но это не значит, что тебя самого не могли обмануть те, у кого есть для этого основания, – задумчиво сказал Просперо, поглядев на Фреду.

– Ты сегодня не очень-то учтив, – сказала она. – И, откровенно говоря, я не понимаю, чем тебя не устраивают наши ответы, – кстати, совершенно искренние. Кроме того, какие у меня могут быть основания обманывать тебя и Калибана?

– А я могу добавить, что не вижу причины для того, чтобы оскорблять человека, который делает для нас столько хорошего, – проговорил Калибан.

Просперо, казалось, находился в нерешительности, переводя взгляд с одного собеседника на другого.

– Приношу извинения, – наконец сказал он. – Время от времени мои познания в человеческой психологии подводят меня, как я ни стараюсь их совершенствовать. Я просто хотел посмотреть, как вы отреагируете на подобное обвинение, доктор Ливинг.

– Для того чтобы адекватно отреагировать на то или иное обвинение, я должна верить в то, что оно сделано искренне, – сказала Фреда.

– Да, – согласился Просперо, – конечно.

Однако если Фреда Ливинг и была сейчас в чем-то уверена, так это в том, что Просперо сказал далеко не все, что было у него на уме. Но какие причины могли заставить робота играть в такую странную игру? Она вообще крайне редко испытывала ощущение, что понимает его до конца, и всегда отдавала себе отчет в том, что Просперо является одним из наименее стабильных ее созданий. Однако он являлся безусловным лидером Новых роботов, и ей волей-неволей приходилось иметь с ним дело.

– Как бы то ни было, – начал Калибан, – нам обоим пора удалиться. Доктор Ливинг, я не сомневаюсь в том, что скоро мы снова встретимся.

– Я тоже в этом уверена, – кивнула Фреда.

Черный робот поочередно посмотрел сначала на Фреду, а затем на Калибана.

– Хорошо, – сказал он, – мы уйдем. Но, похоже, я стану не первым и не последним роботом, который чувствует, что, чем больше он узнает людей, тем хуже начинает их понимать.

Фреда Ливинг устало вздохнула. Иногда разглагольствования «трехзаконных» роботов о человеческой психологии были способны довести любого до белого каления, а Просперо и другие «новозаконники» были в этом отношении и вовсе невыносимы. Роботы с Тремя Законами хотя бы не были столь категоричны в своих суждениях. У Просперо же имелось свое мнение обо всем на свете.

Фреда без труда могла бы представить его в качестве жреца какой-нибудь из давно забытых человеческих религий, в любой момент готового кинуться в схоластический спор по любому, даже самому никчемному вопросу. Впрочем, Калибан иногда бывал не лучше. Фреда разработала и создала этих роботов собственными руками. Конечно, она могла бы запрограммировать мозг каждого из них таким образом, что они не стали бы терять время на пустопорожние дискуссии, но сейчас жалеть об этом было поздно.

– Что бы ты ни думал, я все же вынуждена просить вас удалиться через запасной выход, – проговорила она. – Наша следующая встреча состоится через три дня, согласны?

– Да, – ответил Просперо, – а на это время у нас запланирован еще ряд встреч.

– Вот и хорошо. Приходите опять через три дня, ближе к вечеру, и покончим с нашими делами.

Калибан склонил голову в прощальном кивке – так низко, что этот жест можно было принять за поклон, и галантно сказал:

– Очень хорошо. Мы будем с нетерпением ожидать новой встречи.

Просперо не стал обременять себя излишней вежливостью. Он просто развернулся, открыл дверь и вышел, предоставив расшаркиваться своему товарищу. Чтобы поспеть за ним, Калибану пришлось ускорить шаг.

Наблюдая за тем, как они уходят, Фреда снова задумалась о Просперо. Она никак не могла разобраться, что же происходит за этими горящими оранжевыми глазами. Что-то в этом роботе было не так, и в первую очередь – его скрытность. Впрочем, сейчас не время тревожить себя этими мыслями, решила она, тряхнув головой, а затем подошла к двери, плотно закрыла ее и сбила комбинацию на цифровой панели. Лишь трое – она, Калибан и Просперо – знали код, открывающий дверь. И временами Фреда всерьез задумывалась над тем, чтобы вычеркнуть из этого списка по крайней мере одно имя.

2

Калибан шел следом за Просперо по туннелю, который тянулся на сто метров под землей и выводил на дно глубокого ущелья, где их дожидался спрятанный аэрокар. Люди, не знавшие о существовании этого прохода, ни за что не заподозрили бы, что дом соединен с ущельем.

– Хотел бы я знать, для чего ты устроил это представление, – проговорил Калибан, когда оба робота вышли из туннеля и окунулись в вечернюю прохладу.

– Я уже объяснил, – холодно ответил Просперо. – Отчасти это была проверка. Мне хотелось посмотреть, как она отреагирует на такое обвинение. Надеюсь, ты не станешь спорить: мы должны знать, способна ли она предать нас. – Договорив, Просперо уселся на место пилота.

Калибан последовал его примеру и забрался на переднее пассажирское сиденье.

– Если бы речь шла о ком-то другом, я, безусловно, согласился бы с тобой, – сказал он. – Но с доктором Лизинг ты имеешь дело очень давно, так зачем же забивать себе голову такими нелепыми гипотетическими предположениями? Кроме того, ты употребил слово «отчасти». Что же еще было у тебя на уме?

– Я мог бы ответить на оба твои вопроса, друг Калибан, но не хочу делать это сейчас. Пока что могу сказать тебе только одно: я уверен, что нам грозит опасность. Опасность того, что нас предадут – или уже предали, – вполне реальна. И давай пока остановимся на этом.

Просперо активировал приборы аэрокара, и машина поднялась в вечернее небо. Калибан ничего не ответил, но подумал, что он наконец пришел к окончательному заключению относительно Просперо. У него больше не оставалось ни малейших сомнений в том, что психика Нового робота является крайне нестабильной. Просперо не просто подозревал измену везде, где только можно, он буквально провоцировал ее. Он сделал все, чтобы вывести доктора Ливинг из себя, и не исключено, что Просперо путает опасность, грозящую ему лично, с угрозой для всех роботов с Новыми Законами.

Из этих рассуждений Калибана следовал один совершенно очевидный вывод: он должен использовать первый же удобный случай и сделать так, чтобы их с Просперо разделяло как можно большее расстояние – и в прямом, и в переносном смысле. Он больше не желал находиться рядом с такой соблазнительной для врагов мишенью.

Фреда Ливинг пересекла расположенную под землей комнату, где происходили тайные встречи, и вышла во вторую дверь. Устало закрыв ее за собой, она повторила то же, что сделала у предыдущей двери, – сбила цифровую комбинацию на кодовой панели. *Этот* код был известен ей одной, на чем некогда настоял Альвар. Ему вовсе не хотелось, чтобы Новые роботы вроде Просперо – не говоря уж о Калибане – могли войти в его дом когда им вздумается. И бывали времена, когда и сама Фреда была рада тому, что их дом надежно защищен.

Разумеется, Новые роботы испытывали те же самые чувства по отношению к людям. Фреда до сих пор не имела ни малейшего понятия о том, где расположена Валгалла – город роботов с Новыми Законами. Она знала только то, что он укрыт под землей где-то в районе под названием Утопия, и больше ничего. Несколько раз Фреде даже пришлось там побывать, но каждый раз ее отвозили туда в аэрокаре без окон, оборудованном устройством, которое подавляет приборы слежения. Новые роботы не хотели рисковать, а она, в свою очередь, не могла осуждать их за это. Женщина не пыталась противиться подобным мерам предосторожности со стороны роботов и всячески это демонстрировала, понимая, что они принимаются не только в своих интересах, но и в ее собственных. Расчет прост: будучи подвергнута психопробе, она не сумеет рассказать о том, чего не знает. У роботов с Новыми Законами хватает врагов, и многие из последних ради того, чтобы обнаружить их «логово», не остановятся даже перед тем, чтобы превратить жену Правителя в животное, – черт с ними, с последствиями!

Просто потрясающе, как далеко они все зашли! Не только Новые роботы, но и Альвар, и даже она сама. Они все свихнулись на предосторожностях – против разоблачения, против возможного скандала, против друг друга. Неудивительно, что Просперо уже стал наполовину параноиком. А может, даже больше чем наполовину.

Вероятнее всего, что в конечном итоге все эти предосторожности окажутся бессмысленными, ибо любые заговоры, секреты и тайные собрания рано или поздно всплывают на свет. По крайней мере, личный опыт Фреды говорил именно об этом. Но все эти секреты и предосторожности хотя бы позволяли всем им чувствовать себя в безопасности, пусть даже на время. Может быть, именно для этого они и предназначались.

Фреда перепроверила дверь, ведущую в дом, и вошла в лифт, мигом вознесший ее наверх, в жилые помещения. Там ее уже поджидал ОБР – 323. Со своей обычной торжественностью он сообщил гулким голосом:

– Хозяин Крэш только что приземлился. Он появится с минуты на минуту.

– Прекрасно, – откликнулась Фреда. – Ужин скоро будет готов?

– Ужин будет готов через двенадцать минут, хозяйка. Вас это устраивает?

– Вполне, Оберон. – Фреда оглядела робота критическим, а точнее сказать, самокритичным взглядом, поскольку он также являлся творением ее рук. Оберон был высоким роботом весьма презентабельного вида с туловищем, которое отсвечивало тусклыми оружейными отблесками. Он был в два раза больше и одновременно в два раза проще, чем Дональд. Когда-то Фреда создала этого робота большим и состоящим из одних острых углов. Тогда его угрожающий вид был то что надо. А вот по нынешним беспокойным временам это было совершенно ни к чему, и ей пришлось придать ему новые очертания. Однако сейчас, глядя на него, женщина была недовольна результатом своих трудов. Если Дональд был округлым, словно колобок, то Оберон выглядел так, будто он сплавился в огне.

Временами Фреда задумывалась: что внешний вид Оберона может сказать постороннему наблюдателю о ее собственной психологии? Остальные созданные ею роботы – Дональд, Калибан, Просперо – представляли собой сложнейшие машины, которым она придала изящные, отточенные формы. Все они, за исключением разве что Дональда, представляли собой поистине новаторские решения. К Оберону это не относилось. Его дизайн можно было назвать консервативным, даже грубым. Создание других роботов требовало высокотехнологичной сборки, и отдельные части для них даже приходилось делать вручную. Что же касается Оберона, то он был собран из стандартных частей, как детский конструктор.

– Я, пожалуй, пойду освежусь, – сказала она домашнему роботу и направилась в душ, все еще ломая голову над тем, почему сделала Оберона именно таким. Обжегшись на молоке, дуешь на воду? Конечно, ей уже приходилось обжигаться, и даже не один раз, а дважды. В первый раз ее довело до беды стремление к бунту, перевесившее благоразумие. Во второй раз... Впрочем, во второй раз было то же самое. Фреда не могла отделаться от этих мыслей все то время, пока раздевалась и становилась под душ. Горячие водяные струи, которые вколачивал в ее тело игольчатый душ, были как раз то, что нужно, чтобы развеяться после встречи с Просперо.

Несколько лет назад Фреда Ливинг была одним из ведущих специалистов Инферно по роботехнике и пользовалась заслуженной репутацией смелого ученого, который не боится рискованных решений и ищет новые пути.

Три Закона роботехники были впечатаны в стандартный позитронный мозг роботов даже не один, а миллионы раз, буквально выжжен в нем, и каждая микрокопия Законов тщательно следила за тем, чтобы не было допущено ни малейшего их нарушения. Каждый новый позитронный мозг опирался на предшествующие поколения своих собратьев, и в каждом следующем Первый, Второй и Третий Законы являлись еще более незыблемым императивом, нежели в предыдущих. Эта последовательная цепочка, в свою очередь, превратилась в нерушимый

закон и брала свое начало в незапамятных временах, когда тысячи лет назад на Земле был создан первый искусственный мозг.

В общем-то, в стремлении к безопасности ничего плохого нет, но даже здесь можно перегнуть палку. Если мозг робота вынужден совершать миллион операций в секунду, чтобы просчитать, не нарушает ли то или иное действие Первого Закона, значит, в это время он не способен ни на что другое, а следовательно, любая другая продуктивная деятельность робота замедляется в миллионы раз. Таким образом, огромное количество времени, необходимого для подобных просчетов, и значительная часть самого позитронного мозга работают впустую.

Фреда захотела узнать, как поведет себя робот, у которого эта система ослаблена, а то и вообще отсутствует. И очутилась в тупике. Для того чтобы создать позитронный мозг, не ограниченный Тремя Законами, необходимо было начинать с нуля, отбросить все эти тысячелетия улучшений и модификаций, практически в буквальном смысле вырезать позитронные извилины вручную. Даже если бы она решилась на такой шаг, позитронный мозг, который получился бы в результате подобной попытки, оказался бы настолько слабым и неэффективным, что это лишило бы эксперимент всякого смысла. Какой резон экспериментировать на роботе, который вряд ли будет способен на какие-либо самостоятельные действия?

Круг замкнулся. Позитронный мозг – это роботехника, а роботехника – это позитронный мозг. Два эти понятия настолько слились друг с другом, что для большинства исследователей казалось немыслимым думать об одном, одновременно абстрагируясь от другого.

Однако Губер Эншоу был не таким, как все остальные. Он нашел способ выделить базовый, лежащий в основе позитронного мозга слой и заставить кусок пористого палладия мыслить, говорить, контролировать тело, а затем выборочно перенести эти способности на гравитонную структуру.

Позитронный мозг можно сравнить с книгой, на каждой из страниц которой снова и снова повторяются неизменные заповеди Трех Законов. Таким образом, каждая из ее страниц наполовину занята бесконечным повторением одного и того же, а ведь на этом месте могла бы помещаться другая, более полезная информация. Что же касается гравитонного мозга, то он в большей степени напоминает книгу с чистыми страницами, на которых можно писать, не возвращаясь еще и еще раз к тому, что уже единожды написано.

Открытие Эншоу не захотела использовать ни одна из лабораторий роботехники, и только Фреда сразу же вцепилась в него, подпрыгнув от радости при мысли о том, какие перспективы сулит подобный прорыв.

Калибан был ее первым проектом на этом поприще и полностью провалился. Фреда намеревалась провести тщательно контролируемый эксперимент по тому, как станет вести себя робот, освобожденный от ограничений, налагаемых Тремя Законами. Долгие годы работы в одном направлении, сама природа роботехники и позитронный мозг делали такой опыт невозможным, но, получив в свое распоряжение гравитонный мозг, Фреда быстро двинулась по направлению к цели – созданию «беззаконного» робота – Калибана. Ему и была отведена роль подопытного. По расчетам Фреды, он должен был существовать в ограниченном, закрытом пространстве под пристальным наблюдением. К сожалению, Калибан сбежал раньше, чем начался эксперимент, и спровоцировал кризис, после чего едва не рухнуло Правительство и не сорвалась программа преобразования климата, от которой зависела судьба всей планеты.

Вторая катастрофа оказалась связана с Новыми роботами – такими, как Просперо. Вообще-то Фреда построила первого из них даже раньше, чем Калибана, и люди считали, что Калибан появился первым лишь потому, что узнали о нем раньше.

Что же подвигнуло Фреду на создание Калибана и роботов с Новыми Законами? В первую очередь озабоченность тем, что традиционные «трехзаконные» роботы подавляют инициативу человека, а также чудовищная пустая трата их труда. Чем сложнее становились роботы, тем более навязчиво они начинали опекать людей, не позволяя им делать самостоятельно почти

ничего. Это положение осложнялось и поведением самих людей, заставлявших роботов выполнять самые незначительные, самые бессмысленные задания. Было вполне обычным делом, когда завтрак, обед и ужин готовили три разных робота, четвертый выбирал для хозяина вино к ужину, а пятый занимался только тем, что вытаскивал из бутылки пробку. Даже если у человека был всего один аэрокар, он вполне мог иметь пять или шесть роботов-пилотов разного цвета, чтобы они соответствовали тому или иному наряду своего хозяина.

Роботы представляли собой ничтожную ценность – как в глазах хозяев, так и в собственных – и в связи с этим подвергались бессмысленному уничтожению, оберегая своих хозяев от опасностей, которых можно было легко избежать, а то и вовсе без повода.

Все это низвело людей до уровня вялых, никчемных трутней. А на долю роботов доставалось все больше работы и все меньше уважения. Труд ценился все ниже, поскольку им занимались роботы, а роботы являлись существами низшего порядка. Один виток спирали порождал другой, и Фреда ясно видела, куда ведет эта спираль – в самый низ, к окончательной деградации и коллапсу общества колонистов. Вот для чего она создала Новых роботов. Новый Первый Закон запрещал роботам причинять вред людям, но не требовал предпринимать какие-либо действия для их защиты. Новый Второй Закон требовал сотрудничать с людьми, а не просто слепо повиноваться их воле. Новый Третий Закон приказывал роботам заботиться о собственной безопасности, а не жертвовать собой ради первого попавшегося человеческого существа. Новый Четвертый Закон – нарочито неясный, даже двусмысленный – разрешал роботам действовать по собственному усмотрению.

Новые законы казались Фреде чрезвычайно разумными и во всем превосходящими первоначальные. Возможно, так бы оно и было, если бы Фреда начинала на пустом месте, с нуля. Но Новые роботы пришли в мир, в котором уже жили «трехзаконные», в мир, где для них не было места.

Новые роботы явились скорее даже не причиной, а катализатором второго – наиболее жестокого – кризиса, потрясшего Инферно. Запутанная череда многих событий привела в итоге к убийству Правителя Хэнто Грега, и, если бы не твердая, решительная рука Альвара Крэша, все могло обернуться куда хуже.

Фреда выключила игольчатый душ и включила обдув, чтобы высушиться. Поворачиваясь в потоках горячего воздуха и улыбаясь, она вспоминала те дни, когда даже такой заурядный поступок, как принять душ или ванну, совершенный самостоятельно, без помощи роботов, являлся настоящей революцией. Лет десять назад о таком и помыслить было нельзя. Какое там! Скандал! Тут как тут появился бы специальный водонепроницаемый робот-слуга, чтобы раздеть ее, затем включить душ, выключить его, нажать на кнопку обдува, снова одеть ее, причем в ту одежду, которую выберет он сам.

Фреда вышла из освежителя, прикидывая в уме, во что бы одеться к ужину. Нужно подобрать что-нибудь простое и непритязательное – для того, чтобы провести вечер дома. Даже странно подумать, что не так давно она оставляла это на усмотрение робота. Сейчас такое незатейливое занятие – выбирать наряд для семейного ужина – доставляло ей ни с чем не сравнимое наслаждение.

Чувствуя себя после душа отдохнувшей и посвежевшей, она открыла стенной шкаф и принялась перебирать вещи, пытаясь решить, что же ей все-таки надеть. Что-нибудь в приглушенных тонах, но не слишком невзрачное. Наконец Фреда остановила свой выбор на облегающей темно-синей юбке и черном пуловере.

Одевшись, Фреда задержалась перед зеркалом, чтобы оценить результат. Он оказался выше всяких похвал. Затем надела сережки и серебряную брошь, которые должны хорошо смотреться на черном, и, повернувшись к зеркалу, снова окинула себя придирчивым взглядом. Оттуда на нее смотрела хрупкая круглолицая женщина с голубыми глазами, слегка вздернутым носиком и короткими черными волосами. Короче говоря, она выглядела именно так, как и

должна была выглядеть, – полной жизненных сил женщиной, подверженной как беспричинным порывам радости, так и внезапным вспышкам гнева.

На Инферно в почете был солидный возраст и жизненный опыт, и это отнюдь не облегчало жизнь Фреды Ливинг. Ведь ей было всего сорок. По меркам Инферно, в этом возрасте люди только-только переступают порог респектабельности, а Фреда плюс ко всему еще и выглядела гораздо моложе своих лет. Более того, она словно нарочно вела себя вызывающе и всячески подчеркивала свою молодость. Находясь в возрасте, когда любая женщина Инферно вполне довольна своей внешностью зрелой матроны, Фреда по-прежнему выглядела не больше чем на двадцать пять.

Да и черт с ними! Пусть думают что хотят.

Казалось бы, глупость, пустяк, но – факт. Иметь право выбора – пусть даже в самых простых повседневных мелочах – это уже освобождение. А ведь было время, и совсем недавно, когда и Фреда, и Альвар, и еще тысячи, миллионы людей на всем Инферно являлись не более чем вымуштрованными рабами своих собственных слуг. Они просыпались в тот час, который считали оптимальным для их пробуждения роботы, их умывали роботы, одевали роботы, причем в выбранную роботами одежду. Смешно сказать, но несколько лет назад было сколько угодно предметов одежды, которые их хозяин даже не мог самостоятельно застегнуть или расстегнуть на себе, поскольку застёжки и «молнии» располагались в недоступных для него местах. Человек полностью зависел от робота, без помощи которого не мог ни одеться, ни раздеться.

После того как вы оказывались одеты роботом-служкой, вас кормил робот-повар, причем блюда выбирал он сам. Стоит ли говорить, что в выборе пищи он также руководствовался Первым Законом: не навреди человеку. Затем робот-пилот вез вас на ту или иную деловую встречу, предварительно назначенную вашим роботом-секретарем.

Вы даже не имели представления о том, куда вас везут, поскольку надеялись на то, что робот и адрес помнит, и ориентируется быстрее. Кстати, не исключено, что роботы лучше вашего знали и то, что вам предстояло делать на этих встречах. Робот-пилот доставлял вас и обратно, поскольку сами вы ни за что не отыскали бы дорогу домой. Вечером вас раздевали и снова мыли – роботы, одевали в пижаму и застегивали – роботы, а затем укладывали в кровать – опять же роботы.

Целый день, каждый день, день за днем роботы принимали за людей все решения вплоть до самых пустяковых, контролировали каждый их шаг. Все дни напролет люди проводили в роскошной золотой клетке, даже не подозревая о ее существовании.

Сейчас Фреде просто не верилось в то, что когда-то и она жила такой жизнью, но ведь так было. Невероятно! Сейчас она хотя бы знала, что Оберон выбрал для их с Альваром ужина и какое определил ему время. К тому же Оберон хотя бы осведомился, не возражают ли они против его выбора, вместо того чтобы просто поставить их в известность о том, во сколько садиться за стол. Сегодня сама Фреда решила предоставить приготовление ужина роботам. Это был ее выбор. А в другие дни она может диктовать им, что готовить, как готовить и когда подавать. Иной раз она даже сама выступала в роли стряпухи. С ума сойти! Так что, если тираническое иго роботов и не было сброшено окончательно, его существование перестало быть тайной, и одно это в значительной степени ослабило его.

Фреда знала, что не только она сумела освободиться от тягостной зависимости от своих механических слуг – хотя бы частично. Этому, конечно, способствовали ее научные исследования, речи и шумиха, связанная с ее именем. Несомненно, этой тенденции в немалой степени способствовало и присутствие на планете поселенцев. И, наконец, люди становились более самостоятельными хотя бы потому, что на планете просто не хватало роботов. Люди стали более разумно использовать их труд, пытаясь не растрачивать его на выполнение пустяковых обязанностей.

Разумеется, переворот в этой области был весьма далек от завершения. Многие жители планеты не желали никаких перемен. Они продолжали цепляться за старые времена и поддерживали Железноголовых, которые требовали производить больше роботов и видели в этом единственное решение всех проблем.

И все же какими бы причинами ни были вызваны эти перемены, какие бы препятствия ни встречали они на своем пути, но они происходили. Люди во всех уголках планеты начинали осознавать, в какой страшной зависимости от роботов они находились все это время, и мало-помалу прозревали. К вящему ужасу Симкора Беддла и его Железноголовых, людям начинало нравиться это – хотя бы частичное – освобождение.

С точки зрения Фреды, все эти перемены были во благо. Но за последние пять лет она пришла к пониманию того, что даже перемены к лучшему могут нести в себе нешуточную опасность. Они могут стать причиной самых неожиданных последствий, оставив за бортом многих напуганных или не верящих в них людей. Могут появиться и такие, кто решит использовать смутные времена, чтобы причинить вред другим.

А может быть, она просто стущает краски? Может, время, когда один кризис на Инферно сменялся другим, уже позади? И хотя даже стабильные, поступательные перемены к лучшему – вроде тех, которые всячески поощрял ее Альвар на протяжении последних нескольких лет, – могут вызвать к жизни опасное недовольство и диссонанс в обществе.

Да, грядущие дни обещают быть, гм, интересными.

Фреда услышала, как ее муж и Дональд спускаются с посадочной площадки на крыше, и поспешила им навстречу.

3

– Они снова были здесь? – сказал Крэш, целуя жену. Это был не вопрос, а констатация факта, и Фреда поняла, что ей не имеет смысла изображать притворное непонимание.

– Да, – осторожно ответила она, – они только что ушли.

– Хорошо, – сказал Крэш, опускаясь в свое любимое кресло. – Мне не нравится, когда они рядом.

– Мне тоже, доктор Ливинг, – встрял в разговор Дональд-111. – Опасность, которую представляет собой присутствие здесь этих двух псевдороботов, куда серьезнее, нежели вы предполагаете.

– Дональд, не забывай, что именно я создала этих, как ты их настойчиво называешь, псевдороботов, – отчеканила Фреда, испытывая смешанное чувство удивления и возмущения. – Я целиком и полностью отдаю себе отчет в том, на что они способны.

– Я далеко не уверен в том, что это действительно так, доктор Ливинг, – сказал Дональд. – Но если вы будете и дальше встречаться с ними в мое отсутствие, я не смогу помешать вам делать это. Хочу лишь еще раз предостеречь вас: уж коли вы имеете с ними дело, проявляйте максимальную осторожность.

– Обязательно, Дональд, обязательно, – кивнула Фреда. Она лучше кого бы то ни было знала, что Первый Закон заставляет Дональда твердить о всевозможных опасностях, которым она якобы подвергается. И все же слушать одни и те же предостережения изо дня в день было чрезвычайно утомительно. Дональд и большинство «трехзаконных» воспринимали Калибана, Просперо и всех Новых роботов негативно. По их мнению, пусть они выглядели и могли вести себя как роботы, но все же не являлись таковыми. Дональд воспринимал их как некое извращение, как противоестественные существа, которым нет места во Вселенной. Возможно, сам он сформулировал бы это как-нибудь иначе, но Фреда не сомневалась, что правильно угадывала ход его мыслей.

– Но зачем им все же приходить сюда? – спросил Альвар, откинувшись на спинку кресла. – Ведь у них есть разрешение на свободное передвижение по городу.

– Не устраивайся слишком удобно, – предупредила мужа Фреда, – через несколько минут будет готов ужин.

– Хорошо, – согласился Крэш и снова выпрямился в кресле, – пусть мне будет неудобно, если ты этого хочешь. Но все же ответь на мой вопрос.

Фреда засмеялась, наклонилась и поцеловала Альвара в лоб.

– Как был полицейским, так им и остался, – сказала она.

Именно этот момент выбрал для своего появления Оберон.

– Ужин подан, – объявил он с торжественностью опереточного мажордома.

– Вот именно, – проговорил Альвар. – Так что не думай, что после ужина тебе удастся сорваться с моего крючка и отвертеться от ответа.

С этими словами он поднялся, и супруги отправились ужинать. Оберон шествовал впереди, а Дональд замыкал процессию. Затем он занял свою обычную нишу в стене, а Оберон принялся прислуживать за столом.

Фреда решила, что ей не стоит заставлять мужа вытягивать из себя ответы клещами. После того как Оберон поставил перед ней тарелку, она взяла вилку и заговорила:

– Они приходят сюда, считая, что это самое безопасное место для таких встреч, – вот главная причина. В Аиде не так много мест, где им не угрожала бы та или иная опасность: либо погромщики Новых роботов, либо еще кто-нибудь.

В прошлом среди поселенцев существовали банды, которые уничтожали роботов. Сейчас их почти не осталось, но этот опыт перенял кое-кто из колонистов. И даже среди таких

экстремистов, какими являлись Железноголовые, существовали фанатики, не упускавшие случая прищучить кого-нибудь из роботов с Новыми Законами, которых они считали преступным отклонением от нормы.

– Новые роботы в этом городе не чувствуют себя в безопасности. Я уже говорила тебе об этом, хотя ты и не веришь.

– Но зачем приходить именно сюда? Если Аид таит для них столько опасностей, они, должно быть, чувствуют себя совершенно спокойно на другом конце планеты, например в Утопии, где находится их подземный город. Я так полагаю, – добавил Крэш, словно не был уверен в правоте своих слов.

Одним из первых шагов Альвара Крэша на посту Правителя явилось издание указа, который запрещал Новым роботам обосновываться в заселенных районах планеты. Возможно, в самом указе это было сформулировано как-то иначе, однако смысл его, безусловно, явился именно таким, да и направлен он был на достижение данной цели. Фреда не могла винить мужа за подобное решение. Приходилось выбирать между изгнанием Новых роботов и их уничтожением.

– Да, в Валгалле они действительно находятся в безопасности, хотя я вряд ли стала бы называть это место городом, – сказала она. – Это скорее обширный комплекс подземных бункеров.

– Ну, тебе виднее, – откликнулся муж. – Ты ведь там была, а мне вот не довелось.

– Может, им там и впрямь ничто не угрожает, но у них нет всего необходимого. Вот они и приезжают сюда за покупками.

– А что может понадобиться кучке роботов?

Фреда едва удержалась от усталого вздоха. Они с мужем спорили на эту тему уже не первый раз, и каждый из них успел довести свою аргументацию до совершенства, но дискуссия тем не менее продолжалась. Их брак был хорошим, крепким, и единственная тема, по которой они никак не могли прийти к согласию, были роботы с Новыми Законами.

– Да хотя бы запасные части, – сказала Фреда, – и тебе это прекрасно известно. Они должны чинить друг друга. Оборудование и материалы для того, чтобы поддерживать в рабочем состоянии и расширять Валгаллу. Различного рода информация. Другие вещи. На сей раз они приезжали за биологическими припасами.

– Это что-то новенькое, – хмыкнул Альвар. – Для чего им понадобились биозапасы?

– Полагаю, для осуществления экологических проектов, – сказала Фреда. – Они достигли больших успехов на поприще улучшения климата в своей части планеты.

– И одновременно научились кое-каким весьма прибыльным навыкам. Не пытайся представить их эдакими оловянными святыми, – сказал Крэш.

Роботам с Новыми Законами позволялось покидать расположенную в Утопии резервацию на определенных условиях. Чаще всего – для того, чтобы выполнять ту или иную квалифицированную работу. Рабочих рук не хватало, и многие были готовы – пусть даже вопреки собственному желанию – нанять Новых роботов. Последние требовали за свой труд большие деньги, но зато и работали на славу.

– Но они честно работают. Что же в этом плохого? – спросила Фреда. – И что плохого в том, что они требуют за это плату? Если частной компании нужны временные рабочие, она нанимает «трехзаконных» роботов и выплачивает агенту по их найму или их собственнику арендную плату. То же самое и здесь. Просто роботы с Новыми Законами принадлежат сами себе.

– Ничего плохого в этом, конечно, нет, – проговорил Альвар, задумчиво тыкая вилкой в овощи на своей тарелке, – но и ничего особенно благородного тоже. А ты всегда пытаешься сделать из них каких-то героев.

– Однако, согласишься, далеко не все их действия направлены на получение денег и выгоды. К примеру, им никто не платит за то, что они улучшают экологию Утопии. Они делают это по доброй воле.

– А чем, по-твоему, продиктована эта «добрая воля»? Мне известно, что ты занималась этим вопросом. К какому же выводу ты пришла?

Фреда подняла на мужа удивленный взгляд. На этом этапе их давно отрететированного спора, когда она говорила о своих подзащитных что-нибудь хорошее, Альвар обычно смотрел на нее и говорил, что она уже готова превратить чертовых Новых роботов в ангелов и приделывать им крылышки. Однако нынче вечером разговор складывался иначе. Поглядев на мужа, Фреда поняла, что и он сам сегодня какой-то другой. Было очевидно, что роботы с Новыми Законами по какой-то причине не выходят у него из головы. Но если обычно этот предмет злил Альвара, то сейчас Крэш выглядел скорее задумчивым. Он словно переживал за них... Но нет, в это невозможно поверить!

– Ты действительно хочешь знать? – неуверенно спросила Фреда.

– Конечно, хочу, – мягко ответил Альвар, – иначе зачем бы я стал спрашивать! Мне всегда интересна твоя работа.

– Ну что ж, короткий ответ таков: не знаю. Очевидно лишь, что о тяге к прекрасному в данном случае говорить не приходится. А как еще это можно назвать? Не знаю. Разве что тягой к упорядочению вещей вокруг себя. Откуда она берет начало? Тоже не знаю. Но вместе с тем это меня не удивляет. Когда ты создаешь что-то настолько сложное, как мозг робота, и вводишь в него новые программы вроде Новых Законов, ты никогда не знаешь, как это аукнется. Последствия могут оказаться самыми неожиданными. Знаешь, почему меня так интересует Просперо? В частности, потому, что создание его мозга было экспериментом. Он и сейчас отличается от всех остальных Новых роботов, причем даже я не могу сказать, чем именно. Наверное, как раз своей непредсказуемостью. Его, с позволения сказать, личность гораздо менее уравновешена, нежели у того же Калибана.

– Ладно, давай пока оставим технический аспект проблемы в стороне, – сказал Альвар. – Что ты думаешь по поводу их тяги к бизнесу?

Фреда подняла руку в предостерегающем жесте.

– Рассуждать об этом значит пускаться в плавание по неизведанным морям. Я очень сомневаюсь в том, что ими движет чистая тяга к созиданию, и полагаю, что Дональд разделяет мои сомнения.

– Совершенно верно, – проговорил Дональд из ниши, в которой стоял. Фреда, сидя за столом, видела лишь узкую полоску его металлического тела. Согласно существующей традиции, робот мог заговорить только в том случае, когда к нему обращались, особенно в тот момент, когда хозяева сидели за обеденным столом, но Дональд умел весьма ловко обходить это правило. – Роботы не обладают созидательной способностью, – продолжал он. – Мы способны к имитации чьей-то деятельности, к повторению увиденного, мы можем выполнять приказы и даже что-то улучшать. Но только люди умеют по-настоящему созидать.

– Ладно, Дональд, давай не будем углубляться в дискуссию на эту тему. Так или иначе, но Новые роботы в своей резервации в Утопии и впрямь сделали очень много всего, от чего им на первый взгляд нет никакой выгоды. Зеленые насаждения, чистая вода, сбалансированная экология... Что от всего этого роботам! Так зачем же они это делают?

– Если ты спросишь об этом их самих, они скажут тебе, что им так хочется, и – до свидания. Более подробного ответа ты не получишь, – проговорила Фреда. – Я пыталась неоднократно, но у меня так ничего и не вышло. Не знаю, либо таким образом дает о себе знать Четвертый Закон, либо то, что они первоначально были предназначены для работ в области изменения климата планеты, либо и то и другое одновременно. А может, дело в том, что Губер Эншоу, разрабатывая их гравитонный мозг, придал его внутренней топографии сходство с

человеческой. По крайней мере, еще никогда мозг робота и мозг человека не были так схожи по структуре извилин.

– Короче говоря, ты не знаешь, – улыбнулся Альвар.

Фреда ответила ему улыбкой, перегнулась через стол и взяла руку мужа в свои ладони.

– Короче говоря, я не знаю, – согласилась она. Как хорошо разговаривать с ним на эту тему без обоюдной злости и раздражения! Она знала, что муж всегда сомневался в безошибочной правильности своего решения относительно изгнания роботов с Новыми Законами. И в глубине души Фреда была готова признать, что, возможно, было бы лучше, если бы она их вообще не создавала. – Но пусть даже я не знаю, чем вызвана их тяга к совершенству, мне хотя бы известно, что она существует.

– Возможно, этого достаточно, – задумчиво откликнулся Альвар. – Я часто и с удивлением размышляю об этом феномене: роботы делают что-то без приказов и указаний! Во Вселенной такого еще не было. А с другой стороны – замечание Дональда. Я вовсе не убежден, что искусственный разум не может обладать способностью к созидательной деятельности. Да, мне не нравятся роботы с Новыми Законами. Я считаю, что они опасны и им нельзя доверять. Но я не могу заставить себя считать, что и они, и результаты их труда должны быть стерты с лица планеты.

Фреда отдернула руки и с тревогой посмотрела на мужа.

– Альвар! О чем ты говоришь? Ведь несколько лет назад ты уже решил, что они имеют право на существование. А теперь ты говоришь так, будто появились новые причины, которые могут вынудить тебя... – Голос женщины задрожал, и она умолкла, не закончив фразы, но ее муж понял, что она хотела сказать.

– Да, появились новые причины. И, возможно, «новозаконники» обречены на уничтожение. Может сложиться так, что нам придется выбирать между ними и спасением планеты, и ты, я полагаю, знаешь, каким в подобном случае будет мой выбор.

– Альвар, о чем, черт побери, ты говоришь?!

Альвар Крэш ответил не сразу. Он поглядел на жену с несчастным видом и тяжело вздохнул.

– Не надо было мне соглашаться на эту работу, – выговорил он наконец. – Пусть лучше Правителем стал бы Симкор Беддл, тогда и ночные кошмары мучили бы не меня, а его. – Крэш умолк, взял вилку и попытался проглотить еще несколько кусочков пищи. Однако повисшая в комнате тишина и выражение, с которым смотрела на него Фреда, были невыносимы. Вилка звякнула, упав на тарелку, и Крэш устало откинулся на спинку стула. – Я хотел бы, чтобы завтра утром ты поехала вместе со мной, – сказал он. – Познакомлю тебя с одним человеком. Меня интересует твое мнение о том, что мы от него услышим.

– Кто этот человек? – спросила Фреда.

– Ты его не знаешь, – ответил Крэш. – Некий юноша по имени Давло Лентралл.

Тоня Велтон была обеспокоена, и у нее для этого имелись все основания. Что-то назревало, а что именно, она не знала. И не узнает до тех пор, пока дежурный Службы безопасности поселенцев не введет ее в курс дела. Из СБП ей сообщили, что осведомитель по имени Ардоза, рискуя быть раскрытым, осмелился проникнуть в Сеттлертаун и заявил, что у него имеется важнейшая информация, касающаяся астрофизика по имени Давло Лентралл. Больше она ничего не узнает, пока показания осведомителя не будут расшифрованы, а содержащиеся в них сведения – проверены.

В голосе офицера СБП, рассказавшего ей об этом, было что-то, заставившее Тонию понять: дело настолько серьезное, что они не хотят разглашать ни единого байта информации до тех пор, пока не убедятся в ее достоверности. Они собирались проникнуть в компьютерные файлы Давло Лентралла. К счастью, в университете использовалась компьютерная система,

созданная поселенцами, но все равно это будет непросто. Поэтому Тоне оставалось только одно: ждать.

Она испытывала необъяснимую уверенность в том, что информация осведомителя Ардозы окажется стопроцентно достоверной. Ей хотелось потребовать все имеющиеся материалы – пусть необработанные, пусть сырые, но – немедленно. Однако Тоня хорошо знала: если профессионалы вдруг начинают проявлять чрезмерную на первый взгляд осторожность, чаще всего оказывается, что у них для этого имеются веские причины. Пусть работают. В свое время она все узнает.

Не в силах отделаться от охватившего ее беспокойства, она села, и тут в комнату вошел Губер Эншоу. Он наклонился, чтобы поцеловать ее в лоб, а она в этот момент похлопала его по руке. Затем ученый выпрямился, пересек комнату и с удовлетворенным вздохом уселся в свое кресло.

Тоня наблюдала за тем, как он взял свои рабочие записи и погрузился в чтение. Она относилась к нему с нежной любовью. Временами его помощь было просто невозможно переоценить, но сейчас, похоже, даже он был не в силах ей помочь.

Губер считался экспертом мирового класса в области роботехники, но что бы сейчас ни происходило, роботы тут были явно ни при чем. В данный момент Губер готовился к своей давно запланированной поездке в Валгаллу. Он являлся «отцом» гравитонного мозга, но никогда не одобрял того, как распорядилась его изобретением Фреда Ливинг, создав роботов с Новыми Законами. Со временем он тем не менее смирился с создавшейся ситуацией, а отсюда уже оставался один шаг до того, чтобы использовать ее в своих интересах. Так или иначе, «новозаконники» – единственные роботы, у которых был созданный им гравитонный мозг. Так не упускать же Губеру такой благоприятной возможности исследовать их! Утром Эншоу предстояло совершить суборбитальный перелет в отдаленный город Депо, где его встретит Новый робот по имени Лакон-03 и отвезет в таинственную Валгаллу.

В иной ситуации Тоня попыталась бы выяснить у Губера, не доходили ли до него какие-нибудь слухи относительно того, что происходит, однако в те минуты, когда ученый с головой погружался в работу, чтобы привлечь его внимание, нужно было как минимум выстрелить из бластера в книгу, которую он читал. Вряд ли в последнее время у него было время для того, чтобы болтать с друзьями о никому не известном астрофизике.

Кто же, черт его побери, такой этот Лентралл? Почему его фигура приобрела вдруг такое значение? Дело каким-то образом связано с преобразованием планеты – это точно, а значит, напрямую затрагивает интересы живущих на Инферно поселенцев. А поскольку Тоня является их лидером – и ее интересы.

Поначалу поселенцы прибыли на эту планету для того, чтобы принять участие в проекте по возвращению ее к жизни, и тогда многие из них были напуганы предстоящей работой. Ведь этот мир был населен колонистами, с которыми им теперь предстояло общаться ежедневно. Однако со временем многие поселенцы осели на Инферно, превратившись в более или менее постоянных жителей планеты. Они открыли для себя новую жизнь, узнав, что вовсе не обязательно влачить существование в огромных подземных муравейниках, каковыми являлись их города. Многие из них женились или вышли замуж, создав полноценные семьи, построили дома, обросли хозяйством. Некоторые даже завели роботов-слуг. И очень многим ничуть не хотелось возвращаться домой. Поскольку работа по преобразованию климата планеты могла занять десятилетия, многие поселенцы, к числу которых относилась и сама Тоня, получали удовольствие, думая, что могут оставаться здесь сколь угодно долго, возможно, даже всю жизнь.

Вот почему все, что так или иначе ставило под угрозу план поселенцев по преобразованию климата Инферно, вызывало у них нешуточное беспокойство, а Тоня не могла отделаться от ощущения, что со стороны этого Лентралла им может грозить огромная опасность.

Их информатор из университета, человек по имени Ардоза, поднял тревогу, сообщив Службе безопасности поселенцев, что Лентралл придумал нечто такое, от чего весь департамент преобразования климата впал буквально в состояние комы. Ардоза также сообщил, что, прослышав об этом, высшие чины из администрации университета забежали как ошпаренные. Университет в эти дни напоминал растревоженный улей.

Зашевелившись после сигнала Ардозы, Служба безопасности поселенцев установила за Лентраллом слежку и засекла его, когда он входил в административный комплекс Правителя Крэша, а затем выходил оттуда. Кроме того, людям из СБП удалось заглянуть в рабочее расписание Правителя. В нем не было ничего необычного, за исключением одной записи: «Давло Лентралл – проект повторного преобразования климата».

Кто же такой этот Лентралл и что он задумал? У ее людей не было на него практически ничего. Им было известно лишь, что он очень молод – по крайней мере, по меркам Инферно – и занимается научными изысканиями в астрофизической лаборатории университета. Похоже, у него существовали неформальные связи с малоизвестным научным центром, имевшим кое-какое отношение к проекту преобразования климата Инферно. Вот и все, что они знали. Да еще, пожалуй, то, что у Лентралла состоялись встречи с рядом правительственных чиновников, которые шли по возрастающей и в итоге закончились встречей с самим Правителем. Так что вопрос очевиден: что может быть настолько важным и срочным, чтобы распахнуть перед никому не известным астрофизиком двери кабинета Правителя?

Тоня пребывала в растерянности. Раньше ее люди могли бы собрать исчерпывающее досье на такого парня, как Лентралл, в считанные минуты. В прежние времена – во времена особо острой конфронтации – ее шпионы и негласные агенты пользовались некоей странной свободой действий. Но тогда отношения между колонистами и поселенцами были настолько скверными, что возможность их дальнейшего ухудшения никого особо не заботила. Более того, мало кто мог представить, что они способны стать еще хуже. С целью добычи информации начальник Службы безопасности поселенцев Синта Меллоу использовала любые грязные трюки: прослушивание коммуникаторов и взлом компьютерных баз данных, подкуп и негласное наблюдение.

Сейчас все, причем с обеих сторон, были обязаны проявлять вежливость и взаимное уважение. За последние несколько лет между Службой безопасности поселенцев под руководством Синты Меллоу и Объединенной полицией Инферно под командованием Жустена Деврея установились тесные рабочие контакты. Спецслужбы делились друг с другом разведывательной информацией, сотрудничали в деле наведения порядка, и Тоня не имела права пускать под откос это хрупкое равновесие, пытаясь поспешно и неуклюже разнюхать чужие секреты.

Она оглянулась на Губера. Когда их взаимоотношения перестали быть тайной, это вызвало невиданный переполох. Еще бы, железная предводительница поселенцев Инферно – в постели с мягким, покладистым отставным роботехником! Скандал тогда разразился невероятный! Пришлось пожениться.

Тоня почувствовала, что ей не хватает собеседника. Пусть даже Губер ничего не слышал, спросить его все равно не мешает. Кроме того, ученые обычно много знают друг о друге. А вдруг Губер, даже если ему не известны последние слухи, сообщит что-нибудь интересное о подноготной Лентралла?

– Губер, – окликнула она его будничным тоном.

– М-м-м?.. – вопросительно промычал он, на секунду подняв глаза от книги. На губах его играло некое подобие улыбки. – Что?

– Ты случайно не знаешь человека по имени Давло Лентралл?

Губер на секунду задумался.

– Знаю, хотя и шапочно, – наконец сказал он. – Мы пересекались на какой-то научной конференции. Совсем молодой парень. Он – что-то вроде младшего научного сотрудника

департамента астрофизики в университете. Я не очень-то интересуюсь всеми этими сонными космическими науками, так что не могу сказать о нем ничего определенного.

Тоня задумчиво кивнула. У колонистов не было причин стимулировать свои исследования в области космоса, поэтому и никаких особых достижений тоже не было.

– И что ты о нем думаешь? – спросила Тоня. – Какое он производит впечатление?

– Я уже сказал тебе, что наше знакомство было шапочным, поэтому у меня нет по поводу него никакого определенного мнения. По-моему, довольно приятный молодой человек, хотя и вечно куда-то спешащий, а потому резкий. Каждую мелочь воспринимает как вопрос жизни и смерти. В общем, ты знаешь этот тип людей. А почему ты спрашиваешь?

– Да так... Просто наши люди засекли, как он ходил к Правителю, и мы удивились, что ему там могло понадобиться.

Губер наморщил лоб:

– Вот уж чего не знаю, того не знаю. Но мне кажется, он слишком мелкая сошка, чтобы встречаться с Правителем целой планеты.

– Согласна с тобой, – кивнула Тоня.

– Впрочем, не сомневаюсь, что через пару дней ты найдешь объяснение этой загадке, и оно окажется на редкость скучным, – пробурчал Губер и снова уткнулся в свои записи.

– Возможно, – задумчиво сказала Тоня. – Возможно.

Не исключено, что Губер прав, но она все же никак не могла выбросить Лентралла из головы. Что общего, черт побери, может иметь младший астрофизик с проектом по преобразованию климата планеты? Какое-то шестое чувство подсказывало Тоне, что ответ на этот вопрос придется ей очень не по нутру.

Симкор Беддл, лидер партии Железноголовых, подался вперед на трибуне и грохнул по ней кулаком.

– Довольно! – крикнул он в гущу слушателей. – Мы больше не потерпим! – проорал он еще громче, стремясь перекрычать рев и аплодисменты аудитории. Или, может быть, толпу его последователей с безумными глазами было бы более уместно назвать сборищем? Плевать! Они принадлежали только ему. Они подпитывали его, а он заряжал их своей злостью.

Беддл утер пот со лба девственно чистым носовым платком. Он уже завел себя до предела. Толпа ревела все громче, его голос также креп и наливался злобой с каждым новым выкриком:

– Довольно отсрочек! Пусть правительство вернет нам наших роботов, которых незаконно отобрало! Хватит цацкаться с этими так называемыми «новозаконниками», которые угрожают стабильности нашего общества! Хватит терпеть поселенцев, которые и без того стоят у нас поперек горла! – Теперь рев толпы был настолько оглушительным, что уже не имело смысла беспокоиться о том, чтобы быть услышанным. И все равно Беддл вопил на пределе своих возможностей – хотя бы для того, чтобы последователи могли читать по его губам: – Довольно! – орал Беддл. – Хватит!

– ХВАТИТ! – взревела в ответ толпа и принялась скандировать: – ХВАТИТ! ХВАТИТ! ХВАТИТ!

Симкор Беддл одарил своих последователей широкой улыбкой и, подняв руки, стал размахивать ими в воздухе, упиваясь царившими кругом воплями, визгом, злобой. Они были с ним, и они по-прежнему принадлежали ему – море лиц с раззявленными ртами, диким ревом выражавших свое одобрение. Пусть их не так много, как раньше, но они есть, и он по-прежнему царит над ними. Эта мысль дарила огромную радость и облегчение. Железноголовые устраивали такие сборища регулярно, чтобы поддерживать в своих рядовых членах боевой дух, но для Беддла было очевидным, что они шли на пользу и ему самому.

Он поднял руки чуть выше и улыбнулся чуть шире. Вой толпы взвился на новую высоту. Он кивнул собравшимся внизу, снова помахал и ушел со сцены за правую кулису.

Там его поджидал Джадело Гилдерн. Беддл небрежно кивнул ему, принимая из рук робота-прислуги стакан фруктового сока. У него пересохло в горле и страшно хотелось пить.

– Сколько собралось народа? – спросил он, поднося стакан к губам и жадно глотая жидкость. Пудрить мозги этому сброду было изматывающим занятием.

– Пять тысяч двести тридцать пять, – сообщил Гилдерн. – С нами остается больше людей, чем я ожидал. Но рано или поздно одной демагогии станет недостаточно, и нам придется что-нибудь *предпринять*. – Эта свора, – кивнул он в ту сторону, откуда по-прежнему доносились завывания толпы, – жаждет действия. Если они не дождутся его в самом скором времени, то пойдут искать в каком-нибудь другом месте.

– Остается радоваться, что им некуда идти, – сказал Беддл, возвращая роботу пустой стакан. Затем он взял у него большое полотенце и принялся ожесточенно тереть им лицо и волосы. Полотенце, конечно, было не так элегантно, как белый носовой платок, но с обильным потом справлялось куда лучше.

– Давайте отправимся к вам, – предложил Гилдерн. – Вы освежитесь в душе, а потом мы кое о чем поговорим.

– Имеешь в виду осведомителя, который сегодня приходил?

– Его самого. Вы приказали проследить за ним, и мы это исполнили. Пока ничего особенного выяснить не удалось, но вы же сами сказали, что хотите постоянно находиться в курсе.

– Тогда поехали, – согласился Беддл и направился следом за Гилдерном, оставив не умолкающую толпу за спиной.

Через сорок пять минут Симкор Беддл уже сидел за своим письменным столом и изучал папку, полученную от Гилдерна. Так он впервые наткнулся на имя Давло Лентралла.

Он очень внимательно просмотрел материалы, содержащиеся в папке. Агенты Гилдерна принялись за работу сразу же, как только осведомитель по имени Ардоза передал им имевшуюся у него информацию. Они дотошно выяснили всю подноготную Давло вплоть до сегодняшнего дня, однако эти сведения мало что им дали. Родился, пошел в школу, изучал астрономию. Никаких потрясающих открытий тут не таилось. Так из-за чего же поднялся шум вокруг этого Лентралла? Может, их информатор затеял с ними какую-то игру?

– Все это нам ни о чем не говорит, – обратился Беддл к Джадело, сидевшему в кресле по другую сторону письменного стола. – Ты по-прежнему считаешь, что тут кроется что-то важное?

– Да, считаю. Мне уже приходилось работать с этим парнем. Он используется нами не так давно, но его информация отличается высокой степенью надежности. И сейчас я могу сказать, что он ведет себя именно так, как должен вести новичок, в руки которого попала важнейшая – и очень опасная – информация. Или же он самый великий актер из всех, которых мне приходилось видеть.

– Хм-м-м. – Беддл уставился в лежавшую перед ним папку, словно силой взгляда мог заставить ее раскрыть какие-то новые тайны. – За пазухой у Лентралла имеется что-то такое, вокруг чего начинается большой шум. Я нахожу это любопытным, но нам необходимы более подробные сведения. Может, ученые просто затеяли между собой какую-нибудь очередную академическую свару?

– Сомневаюсь. Что бы это ни было, оно позволило ему встретиться с целой кучей правительственных чиновников, а под конец – даже с самим Правителем Крэшем. Но пока это все, что нам удалось разузнать.

– Ты считаешь, что мы застряли? Мне это не нравится. – Симкор Беддл не любил выжидать и предпочитал идти напролом.

– Мы выясним все, что только возможно, – заверил его Гилдерн, – но я предчувствую, что после этого нам придется действовать быстро и решительно.

– Согласен. Судя по всему, правительство действует с не свойственной для него расторопностью. Значит, в том, что происходит или готовится, важную роль играет фактор времени. Забери это. – Беддл махнул в сторону папки. Робот, стоявший у стола, наклонился, захлопнул папку и убрал ее. Беддл поднялся, и второй робот сделал шаг вперед, чтобы отодвинуть его стул. Беддл шагнул из-за стола, не дожидаясь, пока роботы уберутся с его пути. Это было вполне в духе Железноголовых. Они требовали от роботов идеального выполнения своих обязанностей и при этом ни в грош их не ставили.

Пусть за Железноголовым ухаживал хоть целый взвод роботов, поднимая его с постели, умывая и обслуживая в течение всего дня, он не только не обращал на них внимания, но иногда даже не замечал их присутствия. Кто-то сказал, что колонисты привыкли жить в окружении призраков, и он был не далек от правды.

Беддл опустился в одно из просторных удобных кресел, предназначенных для посетителей, устроив в нем свое грузное тело с неожиданной ловкостью.

– А что думаешь об этом ты сам? – спросил он у мужчины, сидевшего напротив него.

Джадело Гилдерн улыбнулся, продемонстрировав два ряда ухоженных зубов. Недавно Беддл назначил его своим заместителем по партии, одновременно с этим оставив за ним и прежний пост, который с иезуитской иносказательностью назывался «директор по информации и исследованиям». На самом деле это означало руководство всей разветвленной шпионской сетью Железноголовых.

Гилдерн был маленьким худосочным человечком с землистой кожей, жидкими светлыми волосами и узким вытянутым лицом. Сегодня на нем был весьма будничным свободный наряд, состоявший из серых штанов и серой туники. Как всегда, казалось, что одежда висит на нем мешком.

– Все это кажется мне чрезвычайно важным, хотя я и не знаю, что за этим стоит, – проговорил он. – У нас было слишком мало времени, чтобы досконально изучить ситуацию. – Голос Гилдерна звучал негромко и даже музыкально. Беддл готов был побиться об заклад, что половиной всего того, чего удалось добиться Гилдерну, он обязан именно своему голосу. – Конечно, нам не составило бы труда пробраться в лабораторию Лентралла, как следует там оглядеться и таким образом выяснить, чем он занимается. Но при этом существует вероятность того, что наши люди попадутся, а уж то, что Лентралл или его коллеги заметят следы вторжения, так это наверняка. В университете, как ни странно, существует весьма продвинутая система безопасности. И еще в меньшей степени мне хотелось бы предпринимать попытки взломать компьютерные файлы Лентралла. Удача не очень-то сопутствовала нам, когда мы пытались взлезть в компьютеры поселенцев. Но даже если нам это удастся, это почти наверняка будет замечено.

– Чаю, – проговорил Беддл, словно обращаясь к пустому месту. Один из роботов-слуг засуетился с необычайным проворством и всего через десять секунд появился с чашкой горячего чая, заваренного именно так, как любил Беддл. Беддл взял у робота блюдо с чашкой, даже не посмотрев на него. – Значит, ты полагаешь, что информация, которую мы можем получить, не стоит того, чтобы рискнуть нашими людьми или насторожить Лентралла?

– Нет, сэр, не совсем так. Я думаю, что через день-два мы узнаем достаточно много и без такого риска. Лентралл не производит впечатление человека, который любит и тем более умеет хранить тайны. Но могу ли я спросить, чем вызван ваш интерес к этому молокососу?

– Я интересуюсь Лентраллом по двум причинам, – сказал Беддл в промежутке между двумя глотками чая. – Во-первых, им заинтересовались другие, и я хочу знать, почему. Вторую причину ты сам достаточно четко сформулировал после митинга: нам нужен кризис, и я жду не дожусь ситуации, которая его спровоцирует. Железноголовым не выгодно, чтобы люди чувствовали себя в безопасности. Мы хороши во время бури, а не в штиль. Наша сила

– в умении использовать любые события, кризисы и ситуации, даже созданные нашими противниками, против них самих. К сожалению, в последнее время у нас не было возможности активно действовать, но время от времени на горизонте неожиданно возникает что-то или кто-то, и тогда мы не имеем права сидеть сложа руки. В данном случае я имею в виду нашего друга Лентралла. Такие лентраллы – сырая глина в наших руках, а сейчас она нам ох как нужна.

– Вы полагаете, что в последнее время мы не очень-то хорошо работали? – спросил Гилдерн, но этот вопрос прозвучал скорее как утверждение.

– Вот именно, – сказал Беддл, а затем сделал последний глоток чаю, отвел руку с наполовину пустой чашкой в сторону и разжал пальцы. Робот выхватил ее вместе с блюдцем из воздуха, не пролив при этом ни капли. – Можно сказать и по-другому: у нас просто не было работы. А мы, если хотим выжить, обязаны действовать. Посещаемость митингов продолжает падать. – Беддл откинулся на спинку кресла и на несколько секунд погрузился в размышления. – Я лезу из кожи вон, чтобы поддерживать имидж лидера на должной высоте. Как ты полагаешь, Гилдерн, у меня это получается?

Симкор Беддл был низеньким и жирным, но это описание, хотя и было совершенно точным, все же не подходило ему. Ничто в его облике не выглядело маленьким, мягким или дряблым. Нередко казалось, что благодаря своей железной воле он становится выше сантиметров на десять. Лицо его было круглым и отличалось мертвенной бледностью, но кожа туго обтягивала упрямые скулы. Точно определить цвет его ярких, как драгоценные камни, глаз не представлялось возможным, но взгляд их был пронзительным и буравил собеседника не хуже сверла. Свои угольно-черные волосы Беддл зачесывал назад. Сейчас он надел более скромный вариант обычной для себя военной формы. Поскольку разговор был частным и поздним, на лидере Железноголовых не было ни наград, ни эполет, ни лент, ни галунов, ни регалий, без которых он никогда не появлялся на публике. Всего лишь скромная черная туника и скромные черные штаны военного покроя. Однако подобная напускная скромность оказывалась временами куда более эффектной.

– Да, сэр, у вас это прекрасно получается, – закивал Гилдерн.

– Хотелось бы верить, – сказал Беддл. – И все же какой от всего этого толк, если я лишен возможности руководить! – Он подался вперед, приподнял ногу и посмотрел на нее. – Я похож на этот ботинок. Взгляни: черный, со стальным носком... Посмотришь на него, и кажется, что он способен вышибить любую дверь, раздробить любой череп. Но какой в нем прок, если нечего ударить! Если я не буду использовать их слишком долго, люди решат, что я вообще на это не способен. Железноголовые больше не могут полагаться лишь на слова. Нам нужно нечто такое, что придаст нам ускорение.

– Я прекрасно понимаю вас, сэр, – быстро проговорил Гилдерн. – Вы хотите сказать, что в последнее время нам не удавалось следовать той стезей, которая предписана нам философией Железноголовых.

Философия Железноголовых была сама простота. В качестве решения абсолютно всех проблем она предлагала один-единственный рецепт: побольше роботов и чтобы они были получше. Роботы освободили человечество, но не до конца, поскольку их было недостаточно. Чем больше их станет и чем лучше они будут трудиться, тем большую свободу обретут люди для достижения своих целей. Беддл считал – или по крайней мере сумел убедить и себя, и многих других – что кризис, связанный с оздоровлением планеты, был либо фарсом, либо неуклюжим поводом для того, чтобы отобрать у частных граждан принадлежащих им роботов и таким образом ограничить их свободу.

Экспроприация частных роботов, проведенная Хэнто Греггом, явилась величайшим событием для Железноголовых. Толпы людей встали под их знамена, поскольку этот шаг Правителя полностью подтвердил все самые мрачные предсказания Симкора Беддла. Он проро-

чил, что это станет началом конца, вехой, которой будет отмечен крах цивилизации колонистов на Инферно, после чего можно ожидать лишь одного – захвата планеты поселенцами.

Но когда обещанные катастрофы не сбылись, многие вновь присоединившиеся члены партии, а также немало ее прежних приверженцев стали постепенно отходить в сторону от организации Беддла. На протяжении последних пяти лет дело, начатое Правителем Греггом, продолжил Альвар Крэш, причем даже с большим успехом, нежели его предшественник. Это были пять лет правления мудрого, стабильного правительства, пять лет осознанного и размеренного движения по пути улучшения климата планеты.

И что хуже всего, люди начали понимать, что вполне могут обойтись гораздо меньшим числом роботов, нежели прежде. Железноголовые лезли из кожи вон, размахивая мрачными статистическими сводками, в которых говорилось, что уровень жизни неуклонно падает, доходы населения уменьшаются, гигиенические нормы опускаются, а число несчастных случаев возрастает. Но все эти ужасы почему-то не производили на людей почти никакого впечатления. По поводу сложившейся ситуации ворчали многие, но бунтовать не хотел никто. Многих людей это раздражало или ставило в тупик, но ни один из них не испытывал злобы. А без озлобленных людей Железноголовые просто не могли выжить.

– Все верно, – кивнул Беддл, – то, как развивались события, мешало нам следовать нашей философии. Для нас жизненно необходимо, чтобы все снова пошло наперекосяк. – Ляпнув это, Беддл тут же поймал себя на том, что подобного не стоило говорить. Нужно получше следить за своими словами. Сделай он такую оговорку на публике, мог бы разразиться чудовищный скандал. – То есть, если говорить более точно, мы еще раз должны показать людям, что сейчас дела на планете обстоят не так, как надо. Для того чтобы вновь поднять массы и повести их за собой, нам нужен некий символ, некий образ, некая идея.

– И вы полагаете, что таким символом может стать Давло Лентралл? – спросил Гилдерн. – Или что он может хотя бы помочь нам обрести подобный символ?

– Не имею на этот счет ни малейшего представления, – проговорил Симкор Беддл. – Но это вполне вероятно, а мы не имеем права упускать ни одной возможности.

– Как скажете, сэр. Мы будем и дальше приглядывать за нашим новым другом.

– Хорошо, – кивнул Беддл. – А теперь двинемся дальше. Что нового ты можешь мне сообщить о, *гм, другом* проекте, над которым работаешь?

Гилдерн ухмыльнулся, вновь продемонстрировав свои акулы зубы.

– Вам известно, сэр, что это проект долгосрочный. И, несмотря на палки, которые вставляют нам в колеса, мы в своих поисках, хотя и медленно, но неуклонно продвигаемся вперед. Настанет день, и мы сможем нанести удар.

Лицо Беддла озарилось счастливой улыбкой.

– Превосходно! – сказал он. – Просто превосходно! Я надеюсь и верю, брат Гилдерн, что, когда этот день настанет, наши друзья так и не сумеют понять, откуда последовал удар.

– Если нам повезет, сэр, «новозаконники» даже не успеют сообразить, что произошло. Они уже перестанут существовать.

Беддл громко рассмеялся, и от хриплых звуков этого циничного хохота даже Гилдерну сделалось не по себе. Однако это ничего не значило. Ему было приятно сознавать, что даже если с Лентраллом у них не выйдет ничего, кроме головной боли, существуют и другие способы подстегнуть события на планете.

Когда Тоня Велтон закончила читать доклад СБП, она почувствовала, что комната плывет перед ее глазами. Положив бумаги на стол, она глянула в сторону окна. Небо начинало светлеть. Пока она читала, ночь сменилась днем.

Ее люди все же сумели забраться в компьютерные файлы Давло Лентралла и сделать предварительный анализ того, что в них обнаружили. Конечно, экспертам понадобится куда

больше времени для того, чтобы решить, можно ли воплотить в жизнь идеи Лентралла и реальны ли они вообще, но Тоня уже была готова поверить в их обоснованность. Лентралл излагал свой план со смертоносной серьезностью, и у Тони не было ни малейших сомнений в том, что слово «смертоносный» – самое подходящее определение для его плана. Колонисты не имели ни малейшего опыта в этой области и не могли предвидеть, какими опасностями грозил подобный замысел. Малейшая ошибка – и они будут стерты с лица планеты.

Придется что-то предпринимать. Если колонисты и впрямь намерены рассматривать этот безумный проект, она обязана каким-то образом удержать их от необдуманных шагов прежде, чем будет слишком поздно. Но она бессильна, пока не будет располагать более полной информацией. А с другой стороны, когда информация попадет к ней в руки, может оказаться, что поезд уже ушел и сделать ничего нельзя. Замкнутый круг.

Они должны быть готовы действовать уже сейчас, а не в будущем. Необходимо разработать предварительные планы и надеяться на то, что они никогда не понадобятся.

Тоня протянулась к телефону.

Синта Меллоу, начальник СБП, села в кровати и надавила на панель устройства громкой связи.

– Меллоу слушает, – сказала она.

– Это Велтон, – донесся голос из динамика.

Синта моргнула и удивленно нахмурила брови. Какого черта она звонит в такую рань?

– Чем могу быть полезна, мэм? – спросила она.

– Включи систему защиты переговоров, – приказала Велтон. Затем послышался щелчок, и комнату наполнило шипение статических помех.

Синта также переключила свой прибор на режим защиты от прослушивания и сказала:

– Сделано. Что случилось?

– Я только что закончила читать предварительный отчет по Лентраллу. И думаю, мы должны разработать план экстренных мер на тот случай, если нам самим придется вплотную заняться этим человеком.

Синта наморщила лоб. Она либо ослышалась, либо неправильно поняла Тонию. Не может же она всерьез говорить о похищении человека!

– Повторите еще раз, – попросила она.

– Я говорю, что Лентралл может понадобиться нам самим. Точнее говоря, может случиться так, что нам придется спрятать Лентралла и то, чем он занимается, от инфернитов. По крайней мере, на некоторое время.

– Но, мадам Велтон, это будет безумием! Совершенным безумием! Если он представляет собой такую важную персону, как вы говорите, то...

– Можно сказать и так, – перебила ее Тоня Велтон. – Точно так же можно назвать «важной» эпидемию чумы или взрыв сверхновой рядом с нашей планетой. Лентралл – это катастрофа, которая вот-вот должна разразиться. И если уж говорить о безумии, то только применительно к нему. Вы должны установить за Лентраллом плотное круглосуточное наблюдение, а также разработать план его похищения и удержания. Спланируйте операцию таким образом, чтобы ее можно было провести в ближайшие дни, и находитесь в состоянии готовности номер один. Я хочу, чтобы в этом плане учитывалось как можно большее число вероятностей и чтобы его можно было привести в действие в течение часа после того, как я дам соответствующую команду. – Несколько секунд в комнате царил тишина. Синта уже подумала было, что Тоня Велтон закончила давать инструкции, но та заговорила опять: – И пока вы занимаетесь всем этим, молитесь о том, чтобы не было слишком поздно.

4

– Ну-ка, прокрути еще раз, Джервад, – приказал Жустен Деврей. – С максимальным увеличением и улучшением изображения.

– Есть, сэр. – Джервад активировал приборы и снова загрузил свою встроенную память.

Деврей еще раз просмотрел ожившие образы. Когда на экране появилась лысая голова Барснелла Ардозы, изображение укрупнилось и стало зернистым. Жустен просмотрел лица, хранившиеся в памяти Баппера-323, уже с дюжину раз. Эти изображения были в три раза отчетливее, но те, которыми располагал Джервад, были зафиксированы под более удобным углом. Скопировав кадры, отснятые Баппером в ходе наружного наблюдения, Деврей оставил его с аэрокаром на прежнем месте, приказав дожидаться того момента, когда Ардоза покинет Сеттлертаун, и затем как можно более скрытно сопровождать его, куда бы он ни направился.

– Хорошо, Джервад. Останови изображение на самом чистом кадре и покажи мне того, с кем ты первоначально заметил сходство подозреваемого. – Жустен говорил напряженным голосом и напоминал гончего пса, учуявшего дичь. В каждом хорошем полицейском всегда есть частичка охотника, преследователя, который, взяв след, идет до конца. Именно эти качества проснулись в Жустене, как только он увидел Барснелла Ардозу. Или... того человека, который сейчас называл себя этим именем.

Робот повиновался приказанию Жустена, и на плоском экране застыли два неподвижных изображения: одно – немного размытое и зернистое, второе – резкое и отчетливое, снимок из полицейских архивов.

Иногда ошибались и роботы. Бывали случаи, когда, сравнивая какое-нибудь лицо со снимком, хранящимся в его памяти, робот утверждал, что они идентичны, в то время как человек, посмотрев на два эти снимка, сразу же сказал бы, что на них изображены совершенно разные люди. Но только не на сей раз. Пусть снимок подозреваемого, сделанный в ходе наблюдения, был отвратительного качества, но на нем, несомненно, был изображен тот же самый человек, что и на снимке из полицейского архива.

Жустен смотрел на размытое изображение. Система улучшения качества сделала свое дело, и заставлять ее трудиться дальше не имело смысла. Жустен знал, что может приказать роботу еще раз подчистить картинку, но они и без того находились на том пороге, после которого дальнейшие улучшения могли делаться уже лишь на уровне догадок. Вместо того чтобы приобретать информацию, они начнут ее терять. Лицо на снимке будет выглядеть лучше, но вместе с тем оно станет меньше напоминать Ардозу.

Меньше напоминать Ардозу. Эта мысль резанула Жустена, но почему? Он пока этого не понимал. Ну и ладно. Пусть немного отлежится. Жустен хотел, чтобы понимание пришло к нему само, а не было притащено на веревке.

Он позволил себе улыбнуться. Можно ли придумать что-нибудь более простое, нежели быть непохожим на Ардозу! К тому же для полицейского становился все более очевидным тот факт, что Ардозы вообще не существует в природе. Первая ниточка к осознанию этого маленького интересного факта протянулась тогда, когда Жустен задумался над тем, почему фотографии Ардозы нет в электронной памяти Баппера-323. А ведь там должны находиться те же кадры, что и в архивных файлах Джервада.

Ответ оказался на удивление простым. Пусть тревожным, но простым. Когда Жустен сравнил базы данных Джервада и Баппера-323, то обнаружил, что у Джервада файлы обновлялись лишь несколько дней назад, в то время как у Баппера-323 они были полуторагодовой давности. Это было неудивительно, учитывая тот факт, что Бапперы являлись далеко не самой популярной моделью. В пункте проката, где Жустен взял этого робота, он заметил с дюжину пылившихся Бапперов с отключенным питанием.

В базе данных Джервада Ар доза имелся, но та же база данных утверждала, что данные на этого человека были введены в нее пять лет назад. И в то же время в базе данных Баппера, введенной полтора года назад, о нем не было ни единого упоминания.

Короче говоря, было совершенно очевидно, что кому-то удалось сыграть грязную шутку с полицейскими компьютерными архивами и ввести туда ложную информацию. И все эти титанические усилия были предприняты неизвестными для того, чтобы внедрить в университет Аида своего агента. И вряд ли злоумышленники стали бы так мучиться только ради одного человека. Так что придется перепроверять все архивы – что называется, от корки до корки. Это будет долгий, мучительный и изматывающий поиск бреши, образовавшейся в системе безопасности. Тяжелая работа. Жустен внутренне порадовался тому, что не является офицером контрразведки. Ребятам оттуда предстоит помучиться.

Но куда именно они – интересно, кстати, кто такие эти «они»? – решили внедрить своего человека? Жустен перечитал данные на Ардозу еще раз и более внимательно. В каком подразделении университета он обосновался?

Когда Жустен нашел ответ на этот вопрос, он почувствовал, как волосы его зашевелились и встали дыбом. Ардоза числился в университетском Центре исследований в области преобразования климата планеты. Это объясняло многое. Даже чересчур многое – до такой степени, что полицейский почувствовал себя, как на раскаленной сковородке. Он был бы удивлен, узнав, что кто-то решил доставить себе столько хлопот, внедряя агента, который будет наблюдать за какой-нибудь отмирающей областью исследований. Но экология – это совсем другое дело.

Борьба вокруг вопроса об изменении климата на планете являлась в настоящее время краеугольным камнем всего, что происходило на Инферно. В руках тех, кто контролировал этот процесс, находилась и сила, причем не только физическая, которая заключалась в могучих механизмах, призванных изменить лицо планеты, но и финансовая, политическая, интеллектуальная. Иными словами – власть. Вот почему весьма веские причины внедрить своего человека в Центр исследований в области трансформации имелись буквально у всех – и у поселенцев, и у Железногоголовых.

Но что-то здесь не сходилось. Этот Ардоза – или как там он звался на самом деле – был не похож на людей того сорта, которых высматривал Деврей у входа в Сеттлертаун. Глубоко законспирированный агент наверняка не полез бы к главному входу и использовал бы один из второстепенных, чтобы не рисковать своим прикрытием. Если только не произошло какое-то настолько важное и срочное событие, ради которого можно было бы пойти на такой риск.

Однако что срочного могло случиться в области преобразования климата? Эта программа была рассчитана не на одно поколение. Она продвигалась медленно, неспешно. Осуществление любого проекта в этой области занимало годы. Какая информация, связанная с экологией планеты, могла оказаться настолько срочной, чтобы лже-Ардоза повел себя так безрассудно? Почему он воспользовался главным входом? Почему не захотел передать имеющиеся у него сведения каким-нибудь иным способом? Ведь перекрыть все до единого каналы связи не в состоянии никто, даже полиция. Если располагаешь хотя бы небольшим запасом времени, всегда есть возможность переправить послание почти без всякого риска. Можно написать записку и послать с ней робота, можно использовать тайниковую связь, оставив информацию под каким-нибудь камнем, можно прибегнуть к помощи кода – отправить совершенно невинное сообщение вроде «Ваши туфли готовы, можете забрать» или «Закажите, пожалуйста, мне к завтраку овсянку», в котором каждое слово будет нести определенный скрытый смысл.

У Ардозы наверняка существуют какие-нибудь подобные способы связи с поселенцами. Так что же ему удалось раскопать? Какую информацию – настолько важную, что он решил прийти к главному входу в Сеттлертаун и пренебречь всеми остальными возможностями?

По мере того как Жустен рассматривал два снимка, в нем крепла уверенность в том, что раньше он никогда не видел этого человека во плоти. Но он определенно видел его изображение – то ли на снимке, то ли на голограмме, то ли как-то еще.

В полицейской папке по одному из дел. Вот оно! Фотографии из полицейской папки по какому-то уголовному делу, которое либо расследовал, либо просто читал Жустен Деврей. По делу, которое было достаточно крупным для того, чтобы Жустену понадобилось рассматривать фотографии его участников до тех пор, пока они намертво не впечатались в его мозг. Но в чем бы ни заключалось то дело, Ардоза не являлся в нем центральной фигурой, иначе Деврей узнал бы его с первого взгляда. Кроме того, судя по времени, что понадобилось Жустену для того, чтобы отыскать в памяти это лицо, дело, видимо, было давнее.

В голове Жустена вновь заворочалась какая-то неясная мысль, которая уже посещала его несколько минут назад. *Меньше напоминать Ардозу.* Может быть, подсознание нашептывало полицейскому, что теперь Ардоза выглядит иначе, нежели тогда, когда Жустен увидел его снимки впервые? Посмотрев на экран еще некоторое время, он сказал:

– Джервад, убери с обоих снимков усы. И пусть он выглядит немного моложе. Но не в соответствии со стандартами колонистов. Мы старимся очень медленно. Сделай это так, как если бы этот человек был поселенцем. Сбрось ему десять лет в стандартном масштабе.

– Есть, сэр. – Робот стал ловко управляться с верньерами видеоприбора. Фотографии уменьшились в размере и теперь занимали лишь небольшую часть плоского экрана. С лица изображенного на них человека исчезли усы. Компьютер не знал, какой формы была скрывавшаяся под ними верхняя губа мужчины, и поэтому выбрал оптимальную с его точки зрения.

Затем изображения стали множиться, меняясь прямо на глазах. Лицо мужчины начало молодеть. На одних его волосы были жидкими, на других у него отрастала густая шевелюра. Исчезли морщины, бесследно растаял второй подбородок. Однако человек может стареть по-разному, а также и принимать разнообразные меры против этого старения, если захочет. Колонисты, разумеется, предпринимали всевозможные усилия, чтобы замедлить этот процесс, поселенцы – нет.

Колонисты не привыкли наблюдать старение людей, не привыкли видеть, как с годами меняется их внешность. Если бы один из них – людей почти без возраста – подружился бы с юным поселенцем, а потом расстался с ним и встретился снова, скажем, лет через двадцать, он вряд ли узнал бы в постаревшем человеке своего прежнего друга. Но колонисты все же еще не до конца утратили эту способность и в случае необходимости могли ею воспользоваться.

Система компьютерной графики работала очень быстро, и буквально за считанные секунды на экране возникло две дюжины изображений, предлагавших различные варианты того, как мог выглядеть Ардоза много лет назад. Деврей по очереди изучил каждое изображение. Сначала ему хотелось махом отвергнуть все до единого, но он заставил себя не торопиться. Деврей, конечно, доверял своим инстинктам, но только до определенной степени. А вдруг одно из лиц, которые он отвергнет, и окажется именно тем самым, что беспокоит его память? Он должен очень внимательно прислушиваться к тому, что говорит его подсознание. У номера один слишком много волос. Номер два выглядит чересчур молодо. Третий и четвертый слишком худы, в то время как шестой и восьмой, наоборот, получились чрезмерно породными.

Жустен Деврей медленно переводил глаза с одной картинки на другую. Какой-то голос в его голове шептал, что он уже близко, что вот-вот придет ответ и возникнет ниточка между сегодняшним днем и прошлым.

И наконец он его увидел. Лицо номер пятнадцать. Оно было ему знакомо. И сразу, в тот же момент, как последний кусочек головоломки встал на свое место, сложилось воспоминание. Деврей вспомнил, кто этот человек.

Он действительно видел фотографию Ардозы раньше. И человек, теперь называющий себя этим именем, действительно проходил в качестве второстепенной фигуры по очень боль-

шому делу. По самому большому, которое Деврею когда-либо приходилось расследовать. По делу об убийстве Правителя Хэнто Грегга, случившемся пять лет назад.

Отчаянно моргая, Жустен потер ладонями лицо.

– Прошу прощения, сэр, я чувствую себя немного уставшим. Всю ночь глаз не сомкнул. Пришел к вам прямо из архива. – Жустен снова моргнул. Комната, в которой он стоял, по-прежнему расплывалась у него перед глазами. Судя по всему, в кабинете Крэша Правителя ждала жена, и именно поэтому он решил поговорить с Жустеном в кабинете своего помощника. Крэш сказал, что его помощник не появится здесь еще около часа, и все же... Благодаря затейливой росписи на стенах, со вкусом подобранной мебели и украшениям это место походило скорее не на рабочий кабинет, а на жилую комнату. Деврей испытал такое ощущение, будто он вторгся в чужое жилище.

– Все в порядке, голубчик, – успокоил его Крэш. – Присаживайтесь. – Он устроился на низком диване и жестом предложил Деврею присоединиться к нему. – Дональд, принеси командеру что-нибудь горячее и крепкое. И чтобы побольше кофеина!

– Сию минуту, Правитель! – откликнулся робот и отправился выполнять приказание.

– Ну что ж, командер, на десять часов у нас с женой назначена весьма важная встреча, значит, в нашем с вами распоряжении – около часа. Хватит ли вам этого времени, чтобы изложить то, с чем вы пожаловали?

– Это не займет у меня и пяти минут. – Жустен колебался, но все же решился спросить: – Простите, сэр, эта встреча, которая назначена у вас на десять часов... случайно не с Давло Лентраллом?

Глаза Крэша удивленно расширились:

– Именно с ним, командер. Но я не говорил о том, что снова встречаюсь с ним, никому, кроме жены. Могу ли я спросить, откуда вам об этом известно?

– Спасибо, Дональд, – поблагодарил Деврей персонального робота Крэша, вернувшегося с чашкой дымящейся жидкости, которая оказалась чрезвычайно крепким чаем. Как и большинство колонистов, в общении с роботами он редко отягощал себя всякими там «пожалуйста» и «спасибо», но Дональд-111 каким-то образом внушал к себе уважение. Жустен сделал глоток обжигающего чая и сразу же почувствовал себя лучше. – Я почерпнул информацию из двух источников, – заговорил он. – От наших старых друзей из Службы безопасности поселенцев и от Железноголовых. Само собой разумеется, добровольно делиться со мной этой информацией никто из них не захотел бы. Они и сейчас не подозревают, что мне удалось у них узнать. И все же то, что мне стало известно, я выяснил именно у них. Пока они знают про Лентралла немного, но скоро разузнают все. Потому что обе стороны лезут из кожи вон, стараясь разобраться, во что он вовлечен.

– А вы сами знаете, над чем он работает? – спросил Крэш.

– Нет, сэр. Но, повторяю, если поселенцы и Железноголовые тоже не знают об этом, то к обеду им уже будет известно все до мелочей. Они копают как одержимые.

– Почему бы нам не начать с самого начала? – предложил Крэш.

– Конечно, сэр. Видите ли, на протяжении последнего времени я принимал участие в самых разных операциях, чтобы понять, как работают различные подразделения полиции, узнать, что испытывают в тех или иных случаях мои офицеры...

– И еще для того, чтобы не протирать все время штаны в кабинете, – с улыбкой сказал Крэш. – Когда я был шерифом, то делал то же самое.

Деврей улыбнулся в ответ. Он чувствовал себя гораздо проще, общаясь с Правителем, который когда-то, как и он сейчас, возглавлял полицию.

– Да, сэр. Последней из таких операций являлось скрытное наблюдение за главным входом в СеттлERTAун. Я находился на дежурстве, прихватив своего персонального робота, а также

взяв в аренду еще одного робота и аэрокар. Эта работа больше всего напоминает ярмарочное развлечение, когда суешь руку в мешок с безделушками и наугад вытаскиваешь какую-нибудь ерунду. Каждый раз, когда мы засекаем человека, который, по идее, не должен входить в Сетт-лантаун, мы проверяем его по электронной картотеке.

– Но сейчас, насколько я понимаю, произошло нечто неожиданное?

– Да, сэр. Роботы засекли человека, который не числится в списках посетителей. Мой робот опознал его, а арендованный не сумел, хотя и являлся моделью, предназначенной для нужд безопасности. Затем я обнаружил, что в идентификационную базу данных моего робота были внесены изменения. Это – копия стандартной базы данных Объединенной полиции Инферно, и, следовательно, изменения были внесены в нее.

– Кто-то заложил в идентификационную базу ОПИ фальшивые данные?

– Да, сэр. И могу добавить, что подлинная информация на этого человека в полицейской базе данных отсутствует. Вот только не знаю, были ли эти данные умышленно стерты теми, кто проник в наши компьютеры, или удалены в результате регулярной чистки базы данных, когда из нее выбрасывается устаревшая информация.

– Понятно. И кем же прикидывается неизвестный?

– Доктором Барснеллом Ардозой из Центра исследований в области преобразования климата. – Жустен вынул из папки два распечатанных цветных изображения. – Это – идентификационная карточка из университета, а это – снимок, сделанный в ходе наружного наблюдения, – проговорил он, поочередно протягивая Правителю фотографии.

Крэш взял снимки и негромко присвистнул:

– Норлан Фил. Поселенец, проходивший по делу об убийстве Грегга. Усы немного меняют его, но маскировка, надо признать, не самая изощренная.

Жустен Деврей поглядел на Правителя с нескрываемым восхищением.

– Мне его лицо тоже показалось знакомым, но для того, чтобы вспомнить, кто это такой, мне понадобилось много часов подряд ломать голову и сидеть в архиве.

– Вы все эти годы работали копом, – проговорил Крэш, продолжая рассматривать фотографии Ардозы-Фила. – Расследовали кучу разных дел, общались с сотнями людей. А Фил, хотя я с ним ни разу не встречался, проходил по делу, которое стало последним в моей карьере полицейского. Я до сих пор могу закрыть глаза и вспомнить каждую его страницу. Вы сами-то видели этого типа прежде?

– Нет, сэр, я не присутствовал на его допросе. Хотя, наверное, следовало бы.

– Не порите чушь! – сказал Крэш, но его тон был гораздо более мягким, нежели слова. – Вы тогда принимали участие в расследовании важнейшего дела. А Фила задержали в дальнем конце Большого Залива, за тридевять земель от того места, где вы работали, и он выдал нужную нам информацию практически сразу. Какого же черта вам было торчать на его допросах! На тот случай, если он вдруг всплывет на поверхность пятью годами позже?

– Вы, наверное, правы, и все же сейчас я жалею, что не посмотрел на него тогда.

– Гм-м-м. Ладно, упрямая голова, вернемся к сути. Вы сверялись с записями, а моя память может оказаться вовсе не такой безотказной, как мне хотелось бы. Напомните мне вкратце подноготную нашего общего друга Фила.

– Норлан Фил. Поселенец, но к проектам преобразования климата никакого отношения не имел и не имеет. Видимо, воспользовался прорехами в иммиграционном законодательстве и прибыл на Инферно в надежде подзаработать. Он сошелся с бандой контрабандистов, помогая им нелегально вывозить Новых роботов с острова Чистилище, и попался примерно в то же время, когда был убит Грегг. Он пошел на сделку с правосудием – сообщил имя рейнджера, который участвовал в заговоре, но в последний момент остался верен присяге и отказался участвовать в покушении. В обмен на эту информацию с Норлана Фила сняли все обвинения и разрешили беспрепятственно убраться с планеты. Кстати, рейнджера звали Эмох Хатвиц, и

он был убит в ту же ночь, что и Правитель, находясь на дежурстве. Это убийство напоминало расправу с изменником, и именно оно натолкнуло нас на мысль, что в покушении на Правителя могли быть замешаны банды контрабандистов.

Крэш покачал головой:

– Не зря я попросил вас освежить мою память. Я уже успел забыть, насколько запутанным было то дело. Но Фил должен был покинуть планету. Почему же он этого не сделал?

– Не знаю, сэр. Но тот факт, что ему было предписано убраться с Инферно, объясняет, почему сведений о нем не оказалось в полицейской базе данных. Мы не храним информацию о людях, которые находятся вне планеты. А почему он не улетел? Полагаю, на своей родной планете он тоже не отличался особой честностью, вот и не решился отправиться домой. Может быть, Фил прибыл на Инферно именно потому, что за ним гналась тамошняя полиция, и, вернись он обратно, непременно загремел бы в тюрьму. Обдумав все это, Фил предложил свои услуги поселенцам в качестве внештатного осведомителя. Они взяли его и обязались защищать и поддерживать в обмен на информацию, которую он станет им поставлять.

– Может статься, Синта Меллоу просто заставила его стать агентом, поскольку знала, что у него рыльце в пуху, – добавил Крэш. – Это, конечно, всего лишь предположение, но звучит оно вполне правдоподобно. И все же, что у нас есть на сегодняшний день? Старый контрабандист, который живет под вымышленным именем и вдруг появился в Сеттлертаун? Маловато. Должно быть что-то еще.

– Да, сэр, это «что-то» имеется. Я оставил Баппера наблюдать за Ардозой и велел не спускать с него глаз, а сам со своим роботом вернулся в штаб-квартиру Объединенной полиции Инферно, желая выяснить, кто же такой этот Ардоза. Он покинул Сеттлертаун вскоре после нашего отъезда, и Баппер довел его напрямик до штаб-квартиры Железноголовых. Там у него состоялась милая беседа с Джадело Гилдерном.

Крэш вздернул брови.

– Ишь ты, ни много ни мало – с самым начальником спецслужбы Железноголовых! Но откуда вам известно, что он говорил с Гилдерном?

– Я как раз хотел об этом рассказать. Сначала робот-привратник его не впускал. Тогда Ардоза кое-что сказал ему, и тот связался с теми, кто находился внутри. Баппер записал и картинку, и разговор с помощью направленного микрофона и камеры. Я просмотрел эту запись, наверно, с дюжину раз. Ардоза, точнее говоря, Фил, сказал следующее: «Послушай, ты, жестянка! Скажи Гилдерну, что пришел Ардоза с новыми сведениями про Лентралла. Он сразу велит меня впустить». Так все и вышло.

– Не очень-то осмотрительное поведение, если ты являешься двойным агентом, – сказал Крэш. – Красоваться перед главными входами в две различные организации, да еще вести подобные разговоры на улице? Безумие!

– Если только Фил не делал это обдуманно, – предположил Жустен. – Он работает на двух хозяев, почему бы ему не обзавестись третьим. Я не исключаю, что он намеренно хотел привлечь наше внимание.

– События развиваются чересчур быстро, и мы можем потратить целое утро, выдвигая различные гипотезы и гадая на кофейной гуще. Интересно, знают ли Меллоу или Гилдерн, что Фил двойной агент?

– Для того чтобы шпионить в пользу Железноголовых, да и поселенцев тоже, нужно иметь крепкие нервы, – сказал Жустен. – Если он способен работать на одних, значит, сумеет работать и на двоих сразу. Не думаю, чтобы Фил стал раскрывать свои карты перед кем-то из хозяев.

– Почему вы так полагаете? – поинтересовался Правитель.

– Интуиция. То, что мы узнали о характере Фила, расследуя убийство Грега, то, как он вел себя возле Сеттлертауна и по дороге в штаб-квартиру Железноголовых.

– Интересно, – пробормотал Крэш. – Очень, очень интересно. Надеюсь, вы установили наблюдение за Филом?

– Не просто наблюдение. Его обложили, как медведя. Целая команда следует за ним по пятам, прослушивает его переговоры, продолжает копаться в его прошлом.

– Отлично. И вот еще что. Лентралл появится в любую минуту. Я не хочу, чтобы он был в одиночестве, когда уйдет отсюда.

– Я как раз хотел предложить то же самое, сэр. Мне кажется целесообразным обеспечивать его безопасность всеми имеющимися способами – и людьми, и роботами. – После убийства Грега уже нельзя полагаться на одних только роботов или одних только людей-телохранителей, поскольку и у тех и у других имеются свои слабые стороны. Оказалось, что гораздо эффективнее использовать смешанные команды, в которые входят и живые, и механические охранники.

– Очень хорошо, – сказал Крэш. – Если бы это не мешало делу, я посоветовал бы, чтобы охрана осуществлялась скрытно, но в данной ситуации... Пусть они просто постараются как можно меньше попадаться ему на глаза. Лентралл, похоже, не из тех, кто любит, когда его опекают. Скорее всего, рано или поздно он лишится головы. Давайте постараемся, чтобы это произошло как можно позже.

– Есть, сэр.

– Благодарю вас за прекрасную работу, Жустен, – сказал Крэш, поднимаясь с дивана. – Важность того, что вы рассказали, невозможно переоценить. Лентралл задал мне еще ту задачку, и для того, чтобы принять решение, мне понадобится как можно больше информации.

Жустен понял намек. Он встал, сложил фотографии в папку и приготовился уходить. Крэш пожал ему руку, а затем ободряюще похлопал по плечу.

– Я рад, что сумел оказаться полезным, сэр.

– Еще как! Еще как, сынок, – проговорил Крэш, выходя вместе с полицейским в коридор. – Вы оказали мне колоссальную услугу. – Робот Крэша открыл дверь в кабинет Правителя и первым вошел внутрь. – Еще раз спасибо, командер.

Только после того, как прозвучали последние слова губернатора, он вошел в кабинет и Дональд закрыл дверь, Жустен Деврей сообразил, что Крэш так и не сказал ему ни слова о том, над чем все-таки работает Лентралл.

Тоня Велтон знала об этом. И Симкор Беддл – тоже. А он, Жустен Деврей, начальник Объединенной полиции Инферно, не знал вообще ничего.

5

– Он входит, – сказала Синта Меллоу в портативное переговорное устройство, глядя в окно. Группа наблюдения и группа захвата находились в полной готовности и ждали сигнала. Она обеспокоенно тряхнула головой, увидев, как на крышу садится транспортный аэрокар Объединенной полиции Инферно. Сразу же после того, как он приземлился, со взлетно-посадочной площадки взмыла другая воздушная машина, унося прочь Жустена Деврея.

– Наш молодой человек входит в центральный подъезд, лидер соревнований только что улетел, а его друзья – приземлились. – Синта понимала, что говорит чересчур непонятно, но операция была развернута настолько стремительно, что у них не было времени договориться о кодовых названиях. А, черт с ним! Главное, чтобы ее поняли. Синта заговорила открытым текстом: – Лентралл вошел в здание. Я только что заметила, как улетел на своем аэрокаре Деврей, а вместо него на крыше приземлился транспортник, набитый оперативниками ОПИ. Полагаю, они собираются превратиться в нянек Лентралла.

Конечно, говорить в открытую было рискованно, но Синта была уверена – или почти уверена, – что полиция их не подслушивает. Контрразведка колонистов работала все лучше, но сейчас переговоры шли не по гиперсвязи, а через провода.

Разумеется, полиции было известно об этом наблюдательном пункте, расположенном прямо напротив Дворца Правителя. Точно так же поселенцы знали, что полиция Инферно денно и ночно держит под наблюдением главный вход в Сеттлertaун. Все это было неотъемлемой частью игры. Но знать, в каком кабинете находится наблюдательный пункт, – это одно, а обнаружить потайную линию связи и подсоединиться к ней, да еще незаметно, – совсем другое.

– Если они сейчас начнут прикрывать Лентралла, это будет очень скверно, – послышался голос из переговорного устройства.

Синта Меллоу не удивилась тому, что Тоня Велтон прослушивает переговоры. Ее тревожило другое: Тоня оказалась слишком глубоко вовлечена в эту операцию. Обычно Велтон старалась держаться подальше от спецслужбы, возглавляемой Синтой, и для этого имелись веские причины. Ни один лидер, осознающий свою ответственность, не станет находиться слишком близко к людям, которые занимаются грязной работой. Но в данном случае все обстояло иначе.

– Будьте наготове, – приказала Синта своим подчиненным и передвинула рычажки на переговорном устройстве, отключив группы наблюдения и захвата. – Сейчас нас никто не слышит, мадам Велтон. Мэм, вам не следует говорить, когда вас могут слышать оперативники. Если они узнают ваш голос, это не приведет ни к чему хорошему.

– По этому поводу мы будем волноваться позже, – отрезала Велтон, будто опасность засветиться ее ничуть не волновала. – Что вы там говорили насчет «нянек»?

– Похоже, после того как Лентралл вошел во Дворец Правителя, на крышу приземлился транспортный аэрокар с целым взводом охраны. Я предполагаю, что, как только Лентралл выйдет из здания, его тут же возьмут под охрану.

– И пока они будут «пасти» Лентралла, мы не сможем его взять, – констатировала Тоня.

– Да, мэм, – ответила Синта, стараясь не выдать облегчения, которое испытывала. Она с самого начала не одобряла этой сумасшедшей затеи.

– Значит, мы должны захватить его раньше, чем он окажется в кольце телохранителей, – сказала Тоня. – Берите его!

– Что?! – почти выкрикнула Синта.

– Вы прекрасно слышали меня, Меллоу. Это приказ. Возьмите его сразу же, как только он выйдет из здания. Полагаю, что в вашем распоряжении остается примерно час. Будьте готовы и пошевеливайтесь.

Дверь отворилась так мягко, как если бы была открыта рукой хозяина. Никакого взлома замков, никаких хитроумных приспособлений для отключения охранной сигнализации. Джадело Гилдерн был достоин любых эпитетов, но неуклюжим его назвать было нельзя. Сунув приспособление, с помощью которого открыл дверь, в карман, он вошел в рабочий кабинет Давло Лентралла, закрыл за собой дверь, а затем облегченно вздохнул и оглядел небольшую комнату. Со стороны могло показаться, что Гилдерн совершенно спокоен, но это было не так. Мужчина был перепуган до смерти. Сердце так громко колотилось в его груди, что он боялся, как бы этот стук не услышали в коридоре.

Гилдерн знал, что он далеко не храбрец. В своей работе ему часто приходилось сталкиваться с опасностями и рисковать, но он шел на это исключительно ради собственной выгоды. Даже если путь для достижения этой выгоды был тернистым и запутанным, конечная цель неизменно стояла перед его внутренним взором и вела его подобно путеводной звезде. Что бы ни делал Гилдерн, он делал это только ради себя. И, кстати, он был бы немало удивлен, если бы эта тайная вылазка в кабинет Лентралла не принесла ему очередной порции дивидендов. В данном случае – хотя бы в смысле репутации. Не зря же, отправляясь сюда, он сказал Беддлу, что идет чуть ли не на смерть!

На самом деле никакого особого риска в этом предприятии не было. Если бы Гилдерн попытался проникнуть в компьютерные файлы Лентралла, он в гораздо большей степени рисковал бы быть обнаруженным и схваченным за руку. А тут – совсем иное дело. Помещение охранялось защитной сигнализацией, и это сыграло Гилдерну на руку. Хорошая охранная система заставляет людей чувствовать себя спокойно. Люди, которые чувствуют себя спокойно, расслабляются, а люди, которые расслабляются, начинают делать ошибки.

Одной из таких ошибок являлось мнение, что охранная система, хорошо зарекомендовавшая себя в одном месте, сработает так же надежно и во всех остальных. Очередным свидетельством тому явилось то, как легко справился Гилдерн с дверным замком. Если запоры крепки и охранная система надежна, значит, можно, понадеявшись на них, оставить записи и книги валяющимися где попало.

Гилдерну хотелось верить в то, что Лентралл рассуждал именно так, и, судя по всему, он не ошибся. От компьютерных файлов ему было бы мало прока. Гилдерн не являлся ни технарем, ни ученым. Для того чтобы расшифровать техническую информацию, ему понадобилось бы чересчур много времени. Нет! Бумаги, которые можно сфотографировать, – вот, что ему нужно. Небрежные записки, краткие наброски, приготовленные для того, чтобы объяснить суть проблемы непосвященным. А если повезет – электронные блокноты, доверху набитые информацией, которую можно скопировать и забрать с собой.

В кабинете царил относительный порядок, но не такой, как если бы здесь прибирался робот. Гилдерну хватило одного взгляда, чтобы заметить: некоторые книги на полках чуть-чуть выдвинуты, стопки бумаг на столе выровнены недостаточно аккуратно, а стул не задвинут под письменный стол и стоит чуть в стороне. Значит, Лентралл присматривает за комнатой сам. Что ж, тем лучше! Если Гилдерн случайно сдвинет что-нибудь с места, это останется незамеченным. Кроме того, если хозяин кабинета и впрямь ухаживает за ним самолично, этот «порядок» может немало рассказать о его характере.

Гилдерн приступил к обыску.

От взгляда Фреды Ливинг не ускользнуло, как изменилось лицо ее мужа сразу же, как только за его спиной закрылась дверь. Непроницаемое выражение на нем сменилось глубокой озабоченностью. Посмотрев на жену, Альвар, видимо, понял, что Фреда заметила его тревогу, и печально улыбнулся.

– А вот когда я был полицейским, то не умел скрывать своих чувств, – проговорил он. – Мое лицо было открытой книгой. Вот ведь что политика делает с людьми.

Фреда встала со стула и взяла мужа за руку:

– Даже не знаю, радоваться ли, что со мной ты не притворяешься, или огорчаться тому, что ты вообще на это способен.

– Наверное, и то и другое, – словно извиняясь, сказал Альвар.

– О чем рассказал тебе Деврей?

– О том, что наши друзья и наши враги, которые, кстати, могут оказаться одними и теми же людьми, уже знают почти все, что мы пытаемся держать от них в секрете.

– Не только от них, но и от меня. – Фреда отошла от мужа на пару шагов, сложила руки на груди и присела на краешек его рабочего стола. – Может, если им уже все известно, ты нарушишь обет молчания и все же посвятишь меня в суть происходящего?

Сцепив руки за спиной, Крэш принялся расхаживать из одного конца кабинета в другой – верный признак беспокойства и нетерпения.

– Где же этот парень? – воскликнул он, не обращаясь ни к кому, а затем перевел взгляд на жену, не прекращая мерить комнату шагами. – Не подумай, что у меня есть от тебя какие-то секреты. Просто я хотел, чтобы ты выслушала все это точно так же, как я в первый раз. Мне было важно узнать твое мнение о... об этом, и я не стал тебе ничего говорить, чтобы ты не делала предварительных выводов.

– Тебе это удалось. Мне известно лишь, что это может обернуться угрозой для роботов с Новыми Законами.

Крэш перестал расхаживать по кабинету и снова посмотрел на жену:

– Это может обернуться угрозой для всех. И, кстати, вот главный герой нашего времени.

Дверь скользнула вбок, и в комнату вошел молодой энергичный человек в сопровождении средних размеров робота мышинового цвета, который незамедлительно занял место в одной из стенных ниш. Если робот был совершенно неприметным, то человек – наоборот. Угловатое лицо, темная кожа, подстриженные ежиком волосы, быстрый взгляд придавали ему если не мужественный, то, по крайней мере, необычный вид. Являлся Давло Лентралл центральной фигурой важнейших событий или нет, но выглядел он очень импозантно.

– Доброе утро, доктор Ливинг, – произнес он, отвесив женщине легкий поклон. Этот старомодный жест в его исполнении получился весьма элегантным. Затем он повернулся к ее супругу: – Доброе утро, сэр.

– Здравствуйте, – кивнул Крэш. Возле одной из стен кабинета стоял диван. Крэш уселся на него, Фреда опустилась рядом, и губернатор указал Лентраллу на удобное кресло, стоявшее напротив дивана. – Присаживайтесь, доктор Лентралл.

Однако Лентралл остался стоять. Было видно, что он волнуется, но старается казаться спокойным.

– Сэр, я должен сказать вам одну вещь. Возможно, это прозвучит абсурдно, но мне кажется, что... что за мной следят.

Крэш печально улыбнулся.

– С сожалением должен констатировать, что это звучит вовсе не абсурдно, – сказал он. – Только что от меня ушел командер полиции. Он сообщил мне, что кое-кто очень вами заинтересовался. Поэтому я не удивлюсь, если за вами установили слежку.

Давло кивнул и, похоже, немного расслабился.

– Как ни странно, ваши слова принесли мне облегчение. Я предпочитаю знать наверняка, что за мной следят, нежели мучиться параноидальными страхами.

– Поверьте мне, голубчик. В нашей жизни одно не исключает другого. Пусть все остается как есть. Сделайте глубокий выдох, присаживайтесь, и поговорим о деле.

– Да, сэр.

Давло опасливо опустился в кресло, словно боясь, что оно развалится под его весом либо из сиденья выскочит какой-то потайной механизм и схватит его.

Фреда обратила внимание на то, что сегодня кабинет выглядит немного иначе, нежели всегда, да и муж находится не на своем обычном месте. Она поняла, что Крэш велел произвести в комнате перестановку, чтобы она выглядела менее официально и чуть более по-домашнему и не подавляла посетителя торжественностью. Этим утром Альвар Крэш не восседал, как обычно, в своем напоминающем трон кресле, отгороженный от всех барьером огромного резного стола. Он сидел на диване в подчеркнуто расслабленной позе. Находясь в кресле, Лентралл имел возможность смотреть на Правителя немного сверху, а низкий столик между ним и диваном являлся своего рода нейтральной полосой, буферной зоной, как бы отгораживавшей маленький мир Лентралла от постороннего вторжения. Даже спокойное выражение на лице Альвара являлось частью игры.

Внезапно до Фреды дошло, что она тоже – часть этого шоу. Альвар хотел, чтобы, рассказывая, Лентралл обращался именно к ней. Может быть, он рассчитывал на то, что его успокоит общение с женщиной, близкой ему по возрасту и не отягощенной никакой официальной должностью? А может, Альвар захотел устраниться от разговора и побыть в роли стороннего наблюдателя? Впрочем, возможно, он делал все это чисто инстинктивно, руководствуясь шестым чувством опытного политика, которое невозможно ни объяснить, ни проанализировать.

– Дональд, – проговорил Крэш, – сделай для нашего гостя какой-нибудь напиток.

– Сию минуту, сэр, – ответил Дональд, выступая из ниши. – Что вы предпочитаете?

– Ничего, – ответил Лентралл, с удивлением рассматривая робота. Затем он повернулся к Фреде: – Доктор Ливинг, простите мое любопытство, но прав ли я, предположив, что именно вы разработали и создали этого робота?

– Вы правы.

– Ага... Вы очень известный человек, и точно так же известны многие из ваших творений.

– Мягко сказано, – мрачно хмыкнул Крэш.

Лентралл перевел взгляд на Правителя, и на его губах заиграла тонкая улыбка:

– Вы совершенно правы, сэр. Но меня смутило его имя. Почему именно Дональд?

– У меня есть смешная привычка называть сделанных мною роботов именами, придуманными одним древним писателем, – ответила Фреда. – Этот человек жил на старой Земле в эпоху, предшествующую появлению роботов. Человек по имени...

– Шекспир, – перебил ее Лентралл. – Мне это известно. Вильям Шекспир. Кстати, я полагаю, его было бы точнее называть не писателем, а поэтом или драматургом. Я знаком с его творчеством, поэтому и удивился. Других ваших роботов зовут Калибан, Просперо, Ариэль – все из Шекспира. Я даже видел какой-то репортаж про вас, и обратил внимание на то, что вашего персонального робота зовут Оберон. Снова Шекспир. Вот почему имя Дональд заставило меня удивиться.

– Прошу прощения?

– Позвольте, я объясню, сэр, – заговорил Дональд, обращаясь к Лентраллу. – Я назван в честь второстепенного персонажа из драмы «Макбет».

– Но в этой пьесе нет персонажа с таким именем, – ответил Лентралл. – Я хорошо ее знаю. Более того, я почти наверняка уверен в том, что у Шекспира вообще нет персонажа по имени Дональд. – Лентралл наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить. – По-моему, в «Макбете» есть Дональбайн, – сказал он. – Дональд, должно быть, искаженное Дональбайн.

– Извините, что поправляю вас, сэр, – проговорил робот, – но я только что сверился со своей встроенной информационной базой и еще раз убедился, что персонажа пьесы зовут именно Дональд.

– В этом нет ничего удивительного, – ответил Лентралл. – Если в базе доктора Ливинг содержится искажение, оно должно быть и в вашей. С течением лет в древние тексты часто вкрадываются ошибки.

– А не может ли случиться так, сэр, что именно в вашей базе данных содержится ошибка? – спросил Дональд.

– Все возможно, но это предположение кажется мне крайне сомнительным. Я своего рода коллекционер подобных вещей, и у меня имеются четыре копии текстов Шекспира: три – в компьютерных файлах и один – в виде древнего издания. Никакого Дональда в них нет.

– Понятно, – сказал робот, хотя было очевидно, что он обескуражен словами Лентралла. – Видимо, мне придется перепроверить встроенную информационную базу. – Сказав это, он ретировался в свою нишу.

– Интересно, – хмыкнул Лентралл. – Мы всегда знаем меньше, чем нам кажется. Вы согласны со мной, доктор Ливинг?

– А? Что? Ах да, конечно. – Фреда была совершенно выбита из колеи. Как она могла допустить такую ошибку! И какие еще ошибки, о которых не подозревает до сих пор, она совершила за последние годы? Женщина сама удивилась, как взволновало ее это маленькое недоразумение.

А Лентралл? Он проявил грубость и высокомерие в первую же минуту их знакомства. Впрочем, понятия грубости для этого парня, видимо, просто не существовало. Давло Лентралл был поистине необычным человеком, с характером и задатками, которые никогда не позволяют ему добиться успеха на поприще политики. Ему повезло, что он избрал для себя другую сферу деятельности.

Однако разговор пока шел довольно бессодержательный.

– Может, нам пора перейти к делу? – спросила Фреда.

– Совершенно с вами согласен, – быстро ответил Лентралл. – Могу ли я узнать, до какой степени вы знакомы с сутью вопроса?

Фреда поколебалась, но не смогла прочесть на лице молодого человека ничего, кроме нетерпения.

– Чтобы сразу избежать недопонимания, доктор Лентралл, должна сообщить вам следующее: супруг не стал рассказывать мне вообще ничего. Он хотел, чтобы я слышала все от вас. Так что начните, пожалуйста, с самого начала.

– Ладно, – почти грубо ответил Лентралл. – Основная суть заключается в том, что я, как мне кажется, нашел способ ускорить процесс преобразования климата планеты, чтобы раз и навсегда стабилизировать его.

– Правда, ценой угрозы для миллионов ее обитателей, – донесся из стеной ниши голос персонального робота Лентралла.

– Помолчи, Кейлор, – осадил его хозяин.

– Первый Закон требует, чтобы я сказал хотя бы это, – упрямо отозвался-робот. – Ваш план угрожает жизни миллионов людей. Он опасен.

– Я бы не назвал это опасностью, – с раздражением проговорил Лентралл. – Определенный риск, конечно, есть, но если мой план удастся, он будет означать безопасность и комфорт для многих грядущих поколений людей.

– Эта дискуссия не представляет для меня интереса. Она носит уж чересчур гипотетический характер, – ответил Кейлор.

– Ты свое мнение высказал. Теперь я приказываю тебе замолчать, – сказал Лентралл. Он осуждающе покачал головой и посмотрел на Фреду: – Вы известны тем, что делаете суперроботов, и, возможно, мои слова покажутся вам кощунством. Но иногда я начинаю задумываться: а может, поселенцы были все-таки правы, объявив их вне закона?

– Время от времени эта мысль посещает и меня, – сказала Фреда. – Но продолжайте, пожалуйста. Каким образом вы предлагаете стабилизировать климат?

– Растопив льды северного полюса, – ответил Лентралл. – Я называю это проектом Полярного моря.

– И чего конкретно вы этим добьетесь? – спросила Фреда.

Несколько секунд Лентралл смотрел на женщину в немом изумлении, словно она спросила, зачем нужны роботы.

– Позвольте мне вернуться немного назад, – наконец произнес он. – Точнее, позвольте мне вернуться к самому началу. Как вам, должно быть, известно, когда на эту планету прилетели первые колонисты, они обнаружили здесь пустынный мир, состоявший из двух больших и отличных друг от друга географических регионов. Две трети суши планеты, находившихся к югу, состояли из низин, в то время как ее северная треть представляла собой огромное возвышенное плато. Именно по этой причине Инферно считалось не очень подходящей планетой для преобразования климата.

– Почему?

– Потому что, когда на планете появилась бы вода, она незамедлительно стекла бы к югу, что, собственно, и произошло. Сегодня мы называем северные районы Большой Землей, а южные низины, затопленные водой, Южным океаном. В результате один полюс планеты покрыт водой, а второй представляет собой сушу.

– И что из этого следует?

– Очень многое. Вода поглощает энергию гораздо более эффективно, нежели атмосфера. Вода может циркулировать и нести с собой тепло. Средние температуры в южном полушарии гораздо более умеренны и стабильны, чем в северном, поскольку теплые течения циркулируют вокруг полюса и согревают приполярные районы. А холодные полярные воды могут перемещаться к районам, где температура выше средней, и охлаждать их. Я сейчас страшно упрощаю, говорю примитивно, но в этом заключается главная идея моего открытия.

– А на севере этого не происходит, поскольку там нет воды, правильно? – спросила Фреда, подняв глаза на мужа, однако лицо его оставалось непроницаемым. Он не участвовал в этой игре. Он наблюдал ее со стороны.

– Абсолютно! – с энтузиазмом кивнул Лентралл. – Большая Земля – это огромный монолитный континент. Он полностью занимает треть всей поверхности планеты, расположенной вокруг северного полюса. Поскольку вода не поступает в северное полушарие, температуры там не могут саморегулироваться. В тропических регионах к северу от экватора слишком жарко, в то время как ближе к полюсу – чересчур холодно. Если вы взглянете на карту, то увидите, что южная оконечность Большой Земли, на которой сосредоточено большинство населения, более или менее граничит с верхней частью северного тропического пояса. Здесь, в Аиде, мы находимся как раз посередине двух температурных поясов. Однако эти пояса смещаются, и мы сейчас – очень близко к северной границе той зоны, которую с некоторой натяжкой можно назвать пригодной для обитания. На самом же деле, если руководствоваться довольно жесткими стандартами поселенцев, то даже в той местности, где расположен Аид, жить уже нельзя. Я думаю, из-за недостаточных осадков. Но так или иначе, площадь материков Инферно, пригодная для жизни, сейчас представляет собой узкую полосу всего лишь в пятьсот-шестьсот километров шириной, которая протянулась вдоль южной оконечности Большой Земли. И эта полоска продолжает сужаться, несмотря на все прилагаемые усилия и временные успехи.

– Я думала, что программа преобразования климата осуществляется успешно, – сказала Фреда, вновь поглядев на мужа.

– Так и есть, – ответил Альвар, – но только в некоторых районах. В основном в тех, которые населены людьми. В других местах мы продолжаем терять земли. Дела в основном обстоят неплохо вокруг Аида и в районе Большого залива. После того как мы справимся с проблемами в этих регионах, мы планируем заняться и другими.

– Если только вам представится такая возможность, – сказал Лентралл. – Последние расчеты говорят, что все может сложиться иначе. Вы надеетесь на неустойчивое равновесие, а оно весьма ненадежно.

– Что значит «неустойчивое равновесие»? – осведомилась Фреда.

Лентралл с улыбкой сунул руку в нагрудный карман туники и вытащил большую монету. Фреда невольно отметила про себя, что это была монета поселенцев. Лентралл проделал это так быстро, что женщина подумала, что он был готов к этому вопросу.

– Вот что такое неустойчивое равновесие, – проговорил он, подняв вверх указательный палец и аккуратно положив монету на его кончик. – Теоретически я могу держать монету таким образом вечно, – сказал он. – Для этого мне нужно всего лишь держать палец совершенно неподвижно, не шевелить рукой, следить за тем, чтобы меня не толкали, и в то же время учитывать и компенсировать эффект от малейшего дуновения ветра и практически неощутимой вибрации, которая существует в конструкции любого здания. И, разумеется, я должен следить за тем, чтобы не перестараться, балансируя...

В этот момент монета внезапно упала с его пальца и со звоном покатила по каменному полу кабинета. Этот негромкий звук показался Фреде оглушительным.

– Только что я проиллюстрировал для вас то, в каком состоянии находится сейчас климат нашей планеты. Сейчас он стабилен, но любая, даже самая незначительная пертурбация может вывести его из равновесия. Климатическая система Инферно не обладает способностью, позволяющей ей, отреагировав на то или иное возмущение, вернуться к состоянию равновесия. С того самого момента, когда на Инферно начал работать первый инженер в этой области, климат планеты постоянно находится на острие, неустойчиво балансируя между двумя экстремами. Малейший наклон в ту или иную сторону, и неминуема катастрофа – либо от переохлаждения, либо от перегрева. Каждую секунду мы должны следить за тем, чтобы все шло как надо, иначе... – Он мотнул головой в сторону валявшейся на полу монеты.

– Но у вас имеется решение этой проблемы, – не слишком дружелюбно проговорила Фреда. Лентралл даже не пытался убедить, объяснить или обсудить вопрос. Он читал лекцию, вещал, инструктировал ее. Он говорил покровительственным, высокомерным тоном. Он снисходил до нее, обращался к ней, как к ребенку, которому терпеливо объясняют, почему надо поступать так или эдак.

– Да, у меня есть решение, – ответил Лентралл. Наклонившись, он поднял с пола монету и положил ее себе на ладонь. – Мы приведем планету в состояние устойчивого равновесия. Вот так. – Он поводит рукой из стороны в сторону, резко поднял ее вверх и затем опустил. Монета по-прежнему лежала у него на ладони. Несколько раз она даже подпрыгивала, но неизменно возвращалась на прежнее место. – Как видите, пертурбации почти не влияют на то, что находится в состоянии устойчивого равновесия. Как только причина возмущения исчезает, объект тут же снова обретает баланс. Полярное море превратит планетарный климат в устойчивую систему, разбалансировать которую будет практически невозможно.

Немного помолчав, чтобы слушатели как следует уяснили смысл его слов, он продолжал:

– Как я уже сказал, проблема заключается в отсутствии циркуляции водных масс в северном полушарии. Если бы можно было найти способ аккумулировать воду в северных районах, предусмотрев входящие и выходящие водотоки, соединяющиеся с Южным океаном, теплые течения двинулись бы на север и согрели полюс, а холодные направились бы к югу и охладили бы океан, а также прибрежные участки суши. Вот тогда-то и возникнет состояние устойчивого равновесия. Климатическая система планеты станет саморегулирующейся и будет сама «чинить» себя и выправлять любые сбои. Если температура чрезмерно повысится, холодные северные воды заставят ее опуститься, если же она опустится слишком низко, тут же наведут порядок тропические воды. Нам нужна вода на обоих полюсах.

– Но существует много планет, подвергшихся трансформации и не имеющих воды ни на одном из полюсов, – возразила Фреда. – И, насколько я помню, даже на Земле один из полюсов представлял собой сушу, а возле второго циркуляция воды была ограничена. Мне даже кажется, что полюс с водой большую часть времени был покрыт льдами.

Лентралл снова улыбнулся, но в выражении его лица не было ни теплоты, ни дружелюбия. Это была торжествующая улыбка победителя, скорее даже надменная, снисходительная ухмылка. Фреда попалась в расставленную им ловушку, и теперь он мог приблизиться и хладнокровно добить ее.

– У меня есть ответы на все ваши вопросы, – заявил он, – и думаю, что они заставят прозвучать приведенные мной аргументы еще более весомо. Что касается планет, оба полюса которых занято сушей, то остальная их поверхность в основном скрыта под водой, которая подходит к полюсам ближе, чем мы имеем это на Инферно.

– А что вы скажете относительно примера с Землей? – спросил Крэш.

– Во-первых, естественные земные океаны были гораздо глубже, чем любые искусственные океаны на планетах, подвергшихся преобразованию, – начал Лентралл. – Если они были глубже, значит, в них содержалось больше воды и более эффективно аккумулировалось тепло. Во-вторых, они занимали гораздо большую часть планеты, нежели на любой другой, где климат был сформирован искусственно. Земля была покрыта водой на три четверти. А на Инферно вода занимает даже меньше чем две трети от площади поверхности – больше, чем на любой другой планете, прошедшей через преобразование климата. Разница между тремя четвертями и двумя третями может показаться незначительной, но на самом деле это не так, тем более что, как я уже сказал, если мерить не по площади, а по объему, земные океаны намного превосходят здешние. В-третьих, даже если океаны на Земле не имели открытого и свободного доступа к полюсам, они подходили к ним достаточно близко. В-четвертых, южный полюс Земли, представлявший собой сушу, был гораздо холоднее, чем покрытый водой северный полюс, и это лишний раз подтверждает мой тезис о том, что циркуляция воды способствует выравниванию температур. Даже при том, что поверхность Северного Ледовитого океана была постоянно покрыта льдом, течения перемещали под ним огромные массы воды. И, наконец, климат Земли отличался нестабильностью. Эта планета знавала страшные ледниковые периоды, которые провоцировались, казалось бы, совсем незначительными климатическими колебаниями в ту или иную сторону. И существуют веские доказательства, что причиной этой нестабильности являлся как раз затрудненный доступ воды к полюсам. Я считаю, что все эти факторы способствовали не ослаблению, а, наоборот, усилению старой Земли, и это является еще одним аргументом в пользу того, что мы должны создать приток воды к северному полюсу нашей планеты.

– Хм-м-м... – Фреда боялась, что если она попытается сказать что-то более содержательное, ей изменит голос. Мысль о том, что этот человек прав, бесила ее. Он прекрасно взвесил свои аргументы. Но в его тоне, поведении, манерах было что-то такое, отчего ей хотелось спорить с ним до хрипоты.

– Продолжайте, доктор Лентралл, – с бесстрастной миной проговорил Альвар. – Вы ведь неспроста рассказывали все это. Что дальше?

– Прекрасный вопрос, господин Правитель, – просиял Лентралл, как школьник, которого учитель похвалил за прилежание. – Как вам, без сомнения, известно, первоначальные планы преобразования климата Инферно также предусматривали создание Полярного моря. Именно из этих старых исследований я почерпнул большую часть информации.

– Почему же от идеи создания Полярного моря отказались? – спросила Фреда.

– Отчасти виной тому была политика, отчасти поджимали сроки. Создание Полярного моря затормозило бы осуществление всего проекта на годы, а на планете было необходимо как можно скорее разместить колонистов. К тому времени в осуществлении планетарной трансформации уже многое пошло не так, как было задумано, вышли из-под контроля затраты. Раздавались даже голоса в пользу того, чтобы вообще бросить эту планету, однако это нанесло бы неслыханный удар по гордости и престижу людей. Инженеры получили приказ довести проект до конца, но не получили ни денег, ни ресурсов, ни времени, чтобы сделать это должным образом. Им пришлось, образно говоря, срезать углы. И одним из таких углов оказалось Полярное

море. Отказавшись от него, они сэкономили достаточно ресурсов для того, чтобы завершить остальные части проекта преобразования.

– Это громко сказано, – проворчал Крэш. – Я тоже изучал старинные документы и отчеты. Они даже близко не подошли к завершению проекта. Это была чистой воды декларация. Экспертам в области оздоровления климата с Инферно было прекрасно известно, какой бардак они здесь устроили. Я обнаружил по крайней мере три составленных в разное время отчета, предрекающих планете климатический коллапс, и все они утверждали, что катастрофа разразится в самом скором времени – через год или два.

Лентралл выглядел раздосадованным тем, что Крэш прервал плавный ноток его речи.

– Так или иначе, в первоначальных документах проекта прямо указывается на необходимость создания водных потоков, циркулирующих у полюсов планеты. Все расчеты тех лет показывали, что это стабилизирует климат планеты и сделает его умеренным, а также увеличит количество осадков, выпадающих над Большой Землей.

– Вырыть яму для океана – нешуточная работа, – заметила Фреда.

Лентралл опять улыбнулся, и выражение его лица не заставило Фреду полюбить его еще сильнее.

– Совершенно верно, – согласно кивнул он. – Но большая часть работы уже сделана за нас. Кейлор, подай мне карты.

Робот Лентралла вышел из стенной ниши, открыл дверцу у себя в груди, извлек оттуда длинный тонкий тубус и передал его хозяину. Лентралл открыл тубус и вынул из него карту, напечатанную на глянцевой бумаге.

– Здесь изображены северные приполярные районы Инферно, – проговорил он, разворачивая карту на низком столике, стоявшем перед его креслом. – Характерной чертой ландшафта Инферно, которую мы обычно не замечаем, является то, что поверхность планеты изрыта многочисленными кратерами. Частично это объясняется тем, что первые колонисты предпочитали основывать свои города в местностях, где кратеров было меньше всего, тем более что они в основном сильно изъедены эрозией. Однако Большая Земля и почти все затопленные водой низины практически полностью покрыты кратерами.

Лентралл постучал пальцем прямо по центру карты.

– Как видите, здесь находятся два очень больших соединяющихся друг с другом кратера, расположенных вертикально по отношению к северному полюсу. Эту формацию называют обычно Полярной впадиной. Внимательно посмотрев на нее, вы можете заметить две вещи. Первая: ее дно находится ниже уровня моря. Вторая: внутри каждого из кратеров почти постоянно находится огромная масса льда. Когда-то лед появлялся только зимой, теперь держится постоянно, причем из года в год его становится все больше. Каждый год, когда наступает северное лето, он чуть-чуть подтаивает, но зимние бури наносят в кратеры еще больше снега, и ледяные шапки растут. Все большее количество пресной воды, которой располагает планета, оказывается запертым на северном полюсе. Если бы существовал канал, по которому сюда можно было бы подвести теплые тропические воды, они очень быстро растопили бы этот лед. Таким образом, создав канал, соединяющий Южный океан и Полярную впадину, мы сумели бы создать Полярное море.

– Значит, – заговорила Фреда, – вы утверждаете, что у нас уже имеется морское дно, которое даже отчасти наполнено водой. Пусть замерзшей, но все равно водой. И, следовательно, все, что нам остается сделать, это прорыть канал.

– Задача не из простых, – сказал Крэш. – Кроме того, скорее всего придется рыть либо два канала, либо один, но очень большой, чтобы вода могла циркулировать в обоих направлениях.

– На самом деле нам понадобится и то и другое, – отозвался Лентралл. – Один канал достаточно большой, чтобы пропускать воду на север и на юг, а второй – запасной, вроде предохранительного клапана, через который стравливают излишнее давление. Через него не будут

проходить большие массы воды, но с его помощью мы сможем контролировать уровень Полярного моря.

– А как вам удастся заставить воду течь одновременно в двух направлениях через один канал? – осведомилась Фреда.

– В этом как раз нет ничего сложного. Эти процессы постоянно происходят в природных океанах, – стал объяснять Лентралл. – Потoki теплой воды стремятся вверх, в то время как холодная опускается. Между ними создается температурный барьер, термоклина. Эти потоки существенно отличаются друг от друга – даже по набору микроэлементов, и никогда не смешиваются. В данном случае холодный поток, который пойдет на юг, послужит одновременно для того, чтобы углубить и расширить наш канал за счет вымывания почвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.